

Илона Шикова

ОТРОПТИВАЯ
ДЛЯ НЕГОДЯЯ

Противоположности

Илона Шикова

Строптивая для негодяя

«Илона Шикова»

2020

Шикова И.

Строптивая для негодяя / И. Шикова — «Илона Шикова»,
2020 — (Противоположности)

Меня зовут Дарина Громова, и я очень принципиальная особа. Для меня главное в жизни – закон, хотя в последнее время я все чаще стала об этом забывать. А всему виной один симпатичный негодяй, который резко ворвался в мою спокойную жизнь, выставляя свои условия. Он меня бесит, нервирует и постоянно выводит из себя, напрашиваясь сразу на несколько пожизненных сроков! И я очень даже не против поставить его на место, да только... Купидона с его проклятыми стрелами под статью не подведешь! И что мне теперь прикажете делать?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	33
Глава 8	35
Глава 9	39
Глава 10	43
Глава 11	45
Глава 12	50
Глава 13	56
Глава 14	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Илона Шикова
Строптивая для негодяя

© Илона Шикова, 2022

Глава 1

POV Дарина

– Встать, суд идет!

Сколько раз за свою довольно продолжительную карьеру я слышала эту фразу. Иногда даже по два-три раза за день.

В самом начале, когда я только пришла работать в прокуратуру, так близко к сердцу принимала и заседания, и вынесенные приговоры, что громкий голос с неизменной фразой “Встать, суд идет!” вместе с судьями в черных мантиях снились мне по ночам, заставляя просыпаться в холодном поту. Со временем привыкла, но иногда эти показательные выступления в виде судебных заседаний дико бесят. Вот как сегодня.

Судья, мужчина сорока пяти лет, медленно переворачивает листы из дела. Такое чувство, что впервые видит и протоколы, и мое заключение. Наверное, многие так и подумают, глядя на действия судьи и его сосредоточенное лицо. Но я-то знаю прекрасно – просто тянет время, потому что и так все решено. Заранее. А раз не сделаешь показательного заседания, чтобы тебя заметили или просто обратили внимание, то и нет смысла напрягаться.

Даже мне сегодня не хочется настаивать на своем, пугать апелляцией, а тем более подавать жалобу в Апелляционный суд, как представитель закона. Какой смысл?

Обвиняемый получает два года условно, хоть я и настаивала на пяти лишения свободы. За нанесение тяжких телесных повреждений. Но пятерик у нас получают только простые смертные. А мажоры... в лучшем случае – как сегодня: пару лет условно, принимая во внимание, какой он хороший мальчик, не пьет, не курит, ни на одном учете не состоит, а главное – прекрасные характеристики с места учебы и работы! Ладно, работы – папа-директор и не такое напишет, но учеба? Они там хоть раз его видели, что пишут, какой он спортсмен, комсомолец и просто красавец?

Еще и дядя – заместитель председателя Апелляционного суда, о чем мне поведал адвокат обвиняемого. Полушепотом и с таким выражением лица, как будто государственную тайну сообщает, за которую положен расстрел. Даже улыбку его заявление не вызвало, так мне все противно в последнее время. Вроде и парень неплохой этот адвокат, а таких мразей защищает... Ненавижу я этих мажоров, хоть убей.

– Дарина Александровна, – обращается ко мне судья после оглашения приговора. – Есть возражения?

– Никак нет, Ваша честь, – отвечаю спокойно, начиная собирать бумаги. – У обвинения возражений нет.

– А у Вас, Роман Григорьевич? – это уже обращается судья к адвокату.

– Не имеется, Ваша честь, – улыбается Рома на все тридцать два зуба. Я бы удивилась, если бы имелись. И вот к чему эти показательно-номинальные вопросы?

– Вот и замечательно, – улыбается судья в ответ и поднимается со своего места.

Секретарь строгим и громким голосом объявляет о закрытии заседания и просит всех еще раз подняться со своих мест. Я понимаю, когда в самом начале встают и оглашают об открытии, но в самом конце к чему эта показуха? Сколько лет присутствую на различных судах, а до сих пор в моей голове это не укладывается.

Шум голосов, звуки отодвигаемых стульев и демонстративное шествие судьи в комнату, смежную с залом заседания.

Слава Богу, закончилось.

Собираю свои вещи, складывая все в сумку, и направляюсь к выходу. Практически возле двери меня ловит адвокат, произнося в спину:

– Дарина Александровна, вы, как обычно, неотразимы!

Медленно поворачиваюсь и смотрю на этого упыря сверху вниз. А он со своим ростом около ста семидесяти пяти сантиметров наоборот задирает голову, чтобы заглянуть мне в глаза.

– Рома, вот скажи, чему ты радуешься? – если честно, безумно хочется зарядить ему по голове или в ухо, чтобы убрать эту раздражающую улыбку с его лица раз и навсегда.

На самом деле Ромка Андреев – очень толковый юрист хоть в уголовных, хоть в гражданских делах. В меру наглый и циничный тип, но всегда знает, кому и что говорить. Один из лучших адвокатов в городе, да и в принципе один из немногих защитников-упырей, кто мне действительно симпатизирует.

– Ну, как же, – усмехается, – Дело-то выиграли.

– Серьезно? – поднимаю одну бровь вверх. – Ты правда идиот, или просто притворяешься? Посмотри на этого мажора, – киваю головой в сторону подходящего к нам паренька, который сегодня отмазался малой кровью. – У него на лбу большими буквами написано “Таганка, я твой бессменный арестант”. Не сегодня – значит, завтра он обязательно куда-нибудь влезет и сядет, если придурка раньше не грохнут. Это дело времени, поверь. Хотя, в твоём случае, чем чаще парнишка влезает в разного рода неприятности, тем больше папаша выбросит денег на ветер, точнее тебе в карман. Вот скажи, Рома, ты вроде не дурак, неужели нравится вот это, – снова киваю на мажора, – отмазывать от тюрьмы?

– Эй, ты, – влазит то самое “это”, на которое я два раза кивала. – Чё ты трёшь тут? Ты хоть знаешь, кто я? Да мой папа тебя...

– Без комментариев, – перебиваю я наглого паренька, снова переводя взгляд на адвоката. – Рома, утихомирь своего подзащитного, а то наплюю на нашу с тобой большую любовь и выкину какой-нибудь фортель, ты ж меня знаешь.

– Леня, успокойся, – адвокат упирается рукой парню в живот. – Остынь.

– Да я ее... – вопит мажор. Такое чувство, что одно место ему кто-то прищемил.

– Заткнись, я сказал! – прикрикивает Ромка, и мажор замолкает, глядя на адвоката и хлопая ресницами, не понимая, что происходит.

Я усмехаюсь, наблюдая весь этот цирк. Интересно, за какую сумму можно продать честь и достоинство, утихомиривая и отмазывая вот таких вот отпрысков богатых родителей? Смотреть тошно, не то что от срока спасать. Я бы его сама лично прибила, чтобы не мучился. И людям жить спокойно не мешал.

– Да уж, – снова произношу, правда, уже без пафоса. – Прекрасный пример для подражания. Будущее поколение многому научится, глядя на это, – снова киваю головой на паренька.

– Дарина Александровна, ради Бога извините, – снова начинает адвокат, но я машу рукой, разворачиваюсь и выхожу из зала заседаний. А то еще наговорю чего лишнего, потом придется за слова свои отвечать, на апелляцию подавать, оно мне надо?

Когда-то я так не думала, а была полна сил и решительности доказать этому миру, что я, Дарина Громова, пришла работать в прокуратуру, чтобы все знали – закон надо уважать, несмотря на деньги и положение в обществе. Что закон – он для всех одинаков. И никто не вправе его нарушать, оставаясь при этом безнаказанным.

Подхожу к машине, нажимая на брелок сигнализации, и усмехаюсь. Боже, как давно это было? Всего-то пяти лет хватило, чтобы смотреть на мир без особого энтузиазма, растратив весь свой оптимизм. Какой же я была наивной дурочкой раньше.

Сейчас, спустя несколько лет моей трудовой деятельности в городской прокуратуре, я, конечно же, закон уважать по-прежнему не перестала. Но в исключительных случаях, таких как сегодня, начала более лояльно смотреть на некоторые вещи. Ночные кошмары прекратились, как только я поняла простую вещь: этот мир, точнее мажоров в нашем обществе, я не переделаю, хоть и люто их ненавижу. А если паре нормальных ребят помогу по доброте душевной, значит, не зря занимаю свое кресло.

Конечно, бывают случаи, когда и мажоры садятся за решетку вместе с депутатами, бизнесменами и чиновниками. Не в таких количествах, как хотелось бы, но не все уходят от ответственности.

Хоть сегодня адвокат и радовался, что его подзащитный остался на свободе – полным провалом назвать это нельзя. Как я уже сказала, у парнишки большими буквами на лбу несколько статей уголовного кодекса написаны. Уверена, что за два года своего условного срока он влипнет по-крупному, и тут уж судья ничего не сможет сделать, а мажорчику прилетит сполна.

На дворе сейчас конец ноября, по сути еще осень, а наш славный город уже замело. Техника вовсю убирает улицы и посыпает дороги, поэтому до здания городской прокуратуры добираться довольно быстро. Захожу в свой кабинет, на ходу снимая дубленку. Убираю ее в шкаф и направляюсь к своему столу.

Кабинет у меня просторный. Многие коллеги завидуют размерам комнаты, имея в своем распоряжении рабочую площадь намного меньше моей.

В самом начале трудовой деятельности я его делила с Михаилом Васильевичем Островским, который работал здесь следователем еще со времен совдепа. Кладезь знаний и мудростей, скажу я вам. Многому научил меня, рассказал, подсказал и растолковал, как лучше поступать в той или иной ситуации. И через год ушел на пенсию, оставив меня одну в триста пятнадцатом кабинете.

Я сдвинула два стола буквой Т, чтобы посетителям удобно было подписывать бумаги. Терпеть не могу, когда ложатся на стол грудью, пытаюсь дышать мне прямо в лицо, думая, что таким способом можно надавить и решить все свои проблемы.

Помимо столов переставила шкафы и повесила новые шторы на окна. Стало светло и уютно. Осталось привезти сюда кровать, и можно переезжать жить.

Включаю электрический чайник, насыпая кофе в чашку. Сегодня проспала, что случается крайне редко, чуть не опоздав на заседание, поэтому не успела выпить свой любимый напиток. Опаздываю я обычно только на утренние совещания к руководству, но только не в суд. А сейчас уже обед, и голова раскалывается на несколько частей – то ли мое извечно пониженное давление всему виной, то ли на смену погоды так организм реагирует. То ли магнитные бури, во что, оказывается, верят даже мужчины. А может, все вместе взятое. Но в висках давит невероятно. И кофе хочется до жути.

Сажусь за стол, закрывая глаза, пальцами массируя по кругу в районе висков, чтобы хоть как-то снизить боль. Стук в дверь заставляет бросить свое занятие. Не успеваю крикнуть “Войдите”, как дверь открывается, и на пороге появляется мой коллега, а по совместительству друг Юрка Сазонов.

– Уже час тебя караулю, – произносит парень, заходя в кабинет, отставляя первый попавшийся стул и вальяжно усаживаясь в него. Закидывает ногу на ногу и смотрит на меня с улыбкой на устах. – Условка?

– С тобой не интересно, – кривлюсь в ответ. – Всё-то ты знаешь, мой любимый друг.

– И ты даже не настаивала на пересмотре? – поднимает обе брови в немом изумлении.

– А смысл? – делаю глоток горячего напитка, обжигая язык. Но боли не чувствую, так мне всё безразлично в данный момент. – Дядя – зампред Ковалева.

– Председателя Апелляционного суда, – усмехается Юра, скорее констатируя факт, чем задавая вопрос. Да и смысл спрашивать, такие фамилии мы заучили наизусть покруче уголовного кодекса.

– Только время зря потрачу. И без этого хватает головняков. Кофе будешь?

– Нет, спасибо, – снова тянет лыбу Сазонов.

– И что смешного в моей физиономии? – откидываюсь на спинке кресла, мечтая о сигарете.

В который раз бросаю курить, но с трудом получается. Раньше можно было дымить в кабинетах, а теперь это законом запрещено. Приходится плестись на улицу, но такая апатия нападает, что лень даже пятую точку с кресла поднять, не то чтобы с третьего этажа спуститься.

– Сейчас ничего, но очень бы хотел лицезреть выражение твоей, как ты выразилась, физиономии вечером.

– Уже видел? – тяжело вздыхаю, а Юрка поднимает большой палец вверх, продолжая улыбаться во все свои тридцать два зуба. – Судя по твоему, – делаю акцент на последнем слове, – выражению, меня ожидает какая-то подлянка.

Юрка смеется, закрывая рукой лицо, и я понимаю, что точно – мои подружки приготовили какую-то пакость.

– Мне понравилось, – Юрка вытирает невидимые слезы с глаз. – Но ты будешь в бешенстве.

– Хоть намекни, – продолжаю давить на коллегу. – Чтобы готова была. Пожалей девочек, спаси их от моего грозного рёва.

– Оля меня убьет, если проболтаюсь. А так как тебя я еще потреплю, на крайний случай сбежав от твоего гнева в свой кабинет, то из дома сбежать мне некуда. Разве что к тебе в однокомнатную квартиру. Но тогда мне точно грозит развод. Так что, – разводит руками.

И снова начинает заливисто смеяться, глядя на мое хмурое выражение лица.

И за что мне такое наказание?

Глава 2

Оля Сазонова, миниатюрная брюнетка с сильным характером реально может выгнать своего мужа из дома, если тот провинится. На время, конечно, максимум на пару часов, но факт остается фактом. Не то чтобы она держит Юрку, что называется, “под каблуком”, но спуску не дает, во всем требуя порядок.

Сазонов – первый коллега, с кем я познакомилась, придя работать в прокуратуру. И единственный друг, с кем могу говорить откровенно, не боясь, что об этом узнают посторонние. Как-то быстро мы с ним сошлись, и он до сих пор терпит мою стервозность, не обращая на мое извечное ворчание и частое недовольство никакого внимания.

Оля же вначале дико приревновала мужа ко мне, даже разочек заявившись в мой кабинет с разборками. Я немного опешила от подобного напора, попыталась всё доходчиво объяснить, но девушка и слушать меня не стала, продолжая закатывать скандал. Пришлось показать характер. После этого мы стали подругами, а Юрке было дано официальное разрешение даже подвозить меня иногда домой.

Он попытался пошутить, что, может, и ночевать ему у меня разрешат, за что получил по шее сразу от обеих. Больше юморить на эту тему не пытался.

Познакомившись с моими лучшими подругами, а их у меня целых две особы, Оля решила приревновать своего мужа к Катюхе. Точнее, к ее пятому размеру груди. Но видя, что девушка не обращает внимания на Юрку, успокоилась.

Вообще, любви Сазоновых можно позавидовать. Они так идеально дополняют друг друга, что по отдельности их и представить нельзя. Оля долгое время сидела в декрете без работы, а Юрка пытался из последних сил, пытаясь прокормить семью. Конечно же, с зарплатой помощника прокурора это практически нереально, но жена ни разу его не упрекнула и не заставила бросить всё и идти на доходное место юриста в какую-то фирму.

И тут вдруг Ольге подфартило по-крупному. Я даже не сомневалась, что у нее всё получится. По образованию Сазонова – швея, чем пользуются ее многочисленные знакомые. Девушка она добрая, поэтому много денег за свою работу обычно не берет. Так вот, одна богатая дама обратилась к ней по рекомендации, заказав платье для очередного приема. Работой осталась довольна и предложила Оле... профинансировать эксклюзивную коллекцию вечерних нарядов.

Показ Олиных моделей прошел на “ура”. Об этом писали все местные и столичные издательства, и Оля Сазонова проснулась на следующее утро популярным дизайнером одежды. Юрка поначалу комплексовал, что жена зарабатывает больше него, но потом успокоился, так как Оля не упрекала его в этом, а ещё позволила и дальше пропадать в прокуратуре днями и ночами, трудясь на благо родины.

Сейчас Ольга Сазонова имеет собственное ателье, где заказала себе свадебное платье моя лучшая подруга Катя Миланская. А так как я приглашена на столь знаменательное событие в роли подружки невесты, или как принято у нас называть – свидетельницы, то и мне вечернее платье шьет известный модельер.

Даже боюсь представить, что они там напридумывали.

– Значит, тайну ты мне не откроешь, – спрашиваю у Юрки, и тот отрицательно качает головой. – Тогда завтра хоть подмени, а то мне пораньше надо свалить. Ночую у Катюхи, чтобы я с утра не забыла приехать на свадьбу.

– Я, кстати, тоже приглашен, – продолжает улыбаться Юрка.

– А то я не знаю, – кривлюсь в ответ. – С одной стороны – журналисты, с другой – представители бизнеса. Главное, чтобы они послезавтра не подрались, и потом с утра не появились статьи в Интернете, как наша элита отмечает свадьбу года.

- Интересно, а кто свидетель? – Юрка прищуривается, делая ехидное выражение лица.
- Сазонов, не дави на больную мозоль.

Тяжело вздыхаю, делая очередной глоток кофе. На улицу сходить, что ли? Проветриться, заодно и с мыслями собраться. Все равно в состоянии апатии не смогу работать. Еще и эта дурацкая головная боль с утра покоя не дает.

Но мои невеселые мысли прерывает звонок стационарного телефона. Кого еще принесло?

– Да? – чуть ли не кричу в трубку, потому что противный писк звонка отдается тупой болью в висках.

– Дарина Александровна, это дежурный, – произносит мужчина, вздыхая. – Тут к вам посетитель без пропуска и без повестки.

– Как фамилия? – пытаюсь судорожно вспомнить, кого на сегодня вызывала.

– Балабанов Павел Иванович.

– Кто?! – кричу в трубку, но из груди вырывается стон, так как боль в голове усиливается. – Какого ж... – замолкаю, потому что появляется огромное желание выразиться нецензурно. – Я его не вызывала, – заканчиваю уже довольно спокойным тоном.

– Он говорит, что по личному вопросу.

– По личному я принимаю в не рабочее время, – ворчу в трубку. И зачем я хамлю дежурному? Ведь не виноват человек ни в чем. А все этот упырь Балабанов, чтоб ему пусто было! Уверена, этот тип может и после работы припереться, с него станется.

– Так что мне с ним делать? – дежурный начинает нервничать.

– Выпиши пропуск, пусть поднимается, – говорю на выдохе и кладу трубку.

Смотрю на Юрку, который продолжает сидеть в вальяжной позе и улыбаться. Вот нафига он меня бесит сейчас? Ведь знает, что настроение хреновое, хочется кому-нибудь по шее надавать. Или поорать на крайний случай. Но так как жутко болит голова, то лучше помолчать и побыть в тишине. А еще лучше остаться в гордом одиночестве.

– Я так понимаю, свидетель нарисовался? – мужчина встает, ставя стул на место. – Не буду вам мешать. – И подмигивает, после чего разворачивается и направляется к двери.

– Когда-нибудь я тебя точно прибью, Сазонов.

– Не-а, – делает мне ручкой. – Кто ж тебя завтра прикроет, если ты меня сегодня прибьешь?

От души смеется и выходит из кабинета, аккуратно прикрывая за собой дверь. А я откидываюсь на спинку кресла и закрываю глаза. Так хочется всех послать куда подальше, но рабочий день еще в разгаре. А вечером примерка платьев, где меня ждет сюрприз. А тут еще...

Громкий стук в дверь отдается звоном колоколов в голове. Эта боль пройдет когда-нибудь или нет?

– Войдите, – кричу, открывая глаза, правда, так и оставаясь сидеть, откинувшись на спинку. Прикладываю холодные пальцы к вискам, чтобы хоть как-то уменьшить эту боль, которая, кажется, никогда не пройдет.

Проходит парочка секунд, и на пороге появляется Павел Балабанов собственной персоной. Кто бы знал, как он меня бесит! А сегодня так и подавно.

Смотрю на парня, который замирает возле края стола. Стоит и сканирует меня своим пристальным взглядом в ответ. И что ему сказать, чтобы не обиделся, даже не начав разговор? Хотя, с каких это пор я задумываюсь над тем, обидится ли Балабанов на мои колкости или нет?

– Ты помолчать сюда приперся? – первой прерываю тишину. – Ко мне в кабинет без приглашения обычно не приходят.

– Я по делу, – бросает кратко, игнорируя мой ехидный вопрос, нагло отодвигая стул, на котором только что сидел Юрка, и усаживаясь так же вальяжно, как это пару минут назад делал мой коллега.

– И тебе здравствуй, Паша, – поддвигаю кресло ближе, опираясь руками на стол. – Или у нас уже не принято здороваться?

– Учитывая то, что до этого ты ни разу не ответила на мое приветствие, опустим формальности, – произносит спокойным тоном без какого-либо намека на ехидство.

– Ну, опустим, так опустим, – делаю глоток уже довольно холодного напитка и кривлюсь. – Кофе хочешь?

– Не откажусь.

Вот же выдержка у человека. Такое впечатление, что знает о моем сегодняшнем плохом настроении и даже не пытается вывести меня из себя, хотя раньше у него это получалось с блеском.

Встаю, подхожу к тумбочке и включаю электрический чайник. Пока насыпаю в чистые кружки кофе и сахар, ощущаю затылком прожигающий взгляд.

Один ехидно улыбается в лицо, намекая на какой-то непонятный сюрприз, другой сейчас спину мне прожжет – они решили меня сегодня добить?

– Так я слушаю тебя внимательно, – поворачиваюсь лицом к Паше, держа в руках чайную ложку. – Вроде по личному вопросу пришел, а не на допрос, что я должна слова из тебя вытягивать. У меня времени свободного в обрез, – нагло вру, потому что начинает играть женское любопытство.

– Предлагаю заключить перемирие, – выдает Балабанов, а я так и замираю на месте, вытаращив на него глаза. – На всю субботу, – заканчивает спокойно. – Давай не будем портить свадьбу Темычу с Катей нашими с тобой разборками. Обещаю вести себя, как истинный джентльмен, – на его лице появляется подобие улыбки.

– А в полночь карета превратится в тыкву, и от твоих хороших манер ничего не останется, – я с печалью в голосе констатирую факт.

Вода в чайнике закипает, оповещая на весь кабинет щелчком кнопки. Снова поворачиваюсь спиной к Балабанову, разливая кипяток по чашкам. На самом деле, мне просто надо немного времени, чтобы прийти в себя от его заявления и понять, как на него реагировать.

Кстати, понятия не имею, какой кофе пьет Павел, но специально насыпаю ему три ложки сахара, чтобы позлить. Интересно, что он скажет по этому поводу?

Держу обе чашки в руках и подхожу к Балабанову, ставя одну на стол перед ним. А парень поднимает на меня свой взгляд.

– Помнится, три месяца назад я согласился на временное перемирие, когда кто-то, – делает акцент на последнем слове, – меня об этом попросил.

– Помнится, – парирую в ответ, – через неделю мне это перемирие выплыло боком. Может, напомнить?

– Я погорячился, – улыбается ехидно Паша, делая глоток кофе.

Усмехается, глядя сначала на чашку, затем снова на меня и... делает повторный глоток. После чего ставит чашку на стол и откидывается на спинку стула, закидывая ногу на ногу.

– У тебя удивительная способность постоянно выводить меня из себя, – я отхожу к своему креслу, подальше от этого типа, потому что желание дать ему по шее растет в геометрической прогрессии – Ты специально это делаешь?

– Да, – отвечает Балабанов, а я замираю на месте, так и не приткнув свою пятую точку в мягкое кресло, и даже забыв, что хотела сделать глоток обжигающего напитка. – Шучу, – смеется парень, глядя на мою реакцию. – Это получается как-то само собой. Я не специально, честное слово.

– Ладно, перемирие так перемирие, – прихожу в себя. Сажусь в кресло, продолжая смотреть на парня. – У меня нет желания с тобой спорить.

– И целоваться будем? – поднимает обе брови вверх.

А ехидная улыбка так и блуждает по его физиономии.

Ну что за день сегодня такой, долго этот упырь будет пользоваться моментом и издеваться надо мной? Хотя, за перепалками с Балабановым я забыла про головную боль. Или она прошла сама по себе, теперь уже не разобраться. Но откуда-то берутся силы, и я выпаливаю:

– Только через мой труп!

– Всё, всё, не горячись, – Паша поднимает обе руки вверх. – Я снова пошутил. Целоваться не будем, но, – тычет в меня пальцем, – улыбаемся, веселимся, не язвим друг другу и участвуем во всех конкурсах.

– Дались Миланской эти конкурсы, – киваю головой из стороны в сторону, тяжело вздыхая. – Я вообще не понимаю, нафига ей это надо? – снова смотрю на Пашку. – Нет бы тихо расписались, посидели спокойно в ресторане и разошлись по домам. На кой ей сдалась эта тамада со своими идиотскими конкурсами?

– Я тоже не в восторге от Катиных идей, если ты хочешь знать, – вздыхает в ответ Балабанов. – Но меня попросил Артем, и я не могу ему отказать.

– Будем считать, что договорились. Вставай, – командую своим любимым тоном.

Видимо, один вид этого нахала привел меня в нормальное состояние. Все-таки он забавный тип, хоть и раздражает меня регулярно. Но постоянно поднимает мой боевой дух, а также настроение своими дурацкими шуточками и вечными подколками.

– Зачем? – Паша делает удивленные глаза.

– Ростом будем мериться, чтобы я знала, какие каблуки надевать. А то, знаешь ли, тяжело найти себе спутника, чтобы не выглядел карликом на моем фоне.

– Метр девяносто два, – улыбается парень. – Подойдет? – поднимает одну бровь вверх.

– Идеально, – посылаю ему ехидную улыбку в ответ.

Паша качает головой, усмехаясь, и встает со стула. Уже в дверях поворачивается ко мне лицом.

– И последний вопрос, – берется за ручку двери. – Какие цветы тебе нравятся?

– Если у нас перемирие, то не вздумай подарить бордовые розы. А так, – развожу руками, – любые подойдут. На твое усмотрение. Но только не красные.

– Договорились, – и он выходит из кабинета, аккуратно прикрывая за собой дверь.

Ни здравствуйте вам, ни до свидания – вот что за невоспитанные мужики пошли? Научить его хорошим манерам, что ли?

В очередной раз тяжело вздыхаю, откидываясь на спинку кресла, и закрываю глаза.

Наконец-то тишина и спокойствие. И можно побыть наедине с собой. Но в голове прочно сидит образ Балабанова, и никак не хочет оттуда испаряться. Наваждение какое-то, честное слово.

Глава 3

Наше знакомство с Павлом произошло примерно полгода назад, когда мне на стол легло дело, в котором парень фигурировал как главный обвиняемый в мошенничестве и подделке документов. Конечно же, я была в курсе, кто такой Балабанов, периодически читая новости о местной элите в Интернете. Во-первых, любопытно, что отчебучил тот или иной мажорчик, а во-вторых, необходимо знать в лицо всех “знаменитостей” нашего города в меру своей профессии. И лучше по фотографиям, чем лицезреть их рожи вживую в своем кабинете.

Насколько мне известно, бизнес Пашка начинал с нуля, хоть и имел стартовый капитал, который позаимствовал у отчима. А тот, в свою очередь, имеет офис в столице и парочку заводиков – то ли нефтеперерабатывающих, то ли что-то добывающих. Для меня это все филькина грамота, но Пашке сам Бог велел стать “Бензиновым королем”, как его однажды назвал один очень ушлый журналист. Сеть заправок в городе, области и нескольких соседних регионах – размах впечатляет даже меня, далекую от ведения бизнеса, финансов и постоянного расширения рынков сбыта. И это всего в течение нескольких лет упорного труда, за что парня реально можно уважать.

Но куда ж в денежных отношениях без завистников или любителей обогатиться за чужой счет. Есть в нашем городе бизнесмен Филатов Андрей Михайлович, очень наглый и ужасно мерзкий тип. Тоже владеет несколькими заправами, но, видимо, не тот масштаб для его амбиций.

Еще читая дело, мне стало понятно, что разжиревший дядя хочет отжать у Пашки бизнес. Я, конечно, не борец за справедливость, даже в областных масштабах (на мировые в принципе даже не замахиваюсь) – хочется богачам посостязаться, кто круче или у кого больше бабла, лично я ничего не имею против.

Если бы не парочка “но” в этом деле. Первое и единственное на данный момент судебное заседание, где я впервые увидела Пашку живьем, закончилось отправкой дела на досудебное расследование. А на следующий день мне позвонил один очень уважаемый человек из столицы с предложением дружбы и любой помощи, а также с просьбой потянуть время и навести порядок в бумажках. Конечно же, в пользу Балабанова. Чтобы комар носа не подточил, как говорится. И ни в коем случае не отдавать дело назад следователю из комитета, а заняться наведением порядка самой.

Так как право такое по закону я имею, а данная просьба никак не нарушала моих принципов, пришлось согласиться, о чем я потом не раз и даже не два пожалела.

Впервые пригласила Балабанова для беседы через неделю после судебного заседания. Если бы он не был таким упрямым бараном, общаясь только через адвоката, точнее отмалчиваясь постоянно, уступая место своему защитнику, я бы давно уже навела порядок в деле.

Когда Паша зашел в мой кабинет, я обомлела. Что можно сказать, красавчик! Высокий, а с моим ростом в сто восемьдесят сантиметров это один из главных критериев в оценке мужчин, симпатичный, я бы даже сказала, красивый и очаровательный, голубоглазый блондин, как раз в моем вкусе, еще и вдобавок ко всему неженатый – как тут не влюбиться бедному одинокому помощнику прокурора.

Так я думала ровно до тех пор, пока Балабанов не начал умничать. Злилась, нервничала, но пыталась держать себя в руках до последнего. Адвокат наоборот был очень любезен, постоянно загружая мой мозг различными юридическими терминами. Я и сама кого хочешь загружу так, что долго придется вспоминать собственные имя и фамилию, но приходилось терпеть. И тут под конец беседы Пашка выдал, обращаясь к своему защитнику:

– Арнольд Вениаминович, будьте любезны, оставьте нас с прекрасной Дариной Александровной наедине.

И подарил мне одну из своих коронных улыбок “Попробуй возрази”.

Возражать я не стала, потому что стало очень любопытно, зачем ему это надо. Адвокат откланялся, пожелал мне удачного дня, а Балабанову обещал позвонить. Мы с парнем проводили защитника взглядами до двери, после чего Павел перевел свой неотразимый взор на меня.

– Слушаю, – начала я первой, так как нервничала еще сильнее, оставшись с ним наедине.

– Тебе звонили насчет меня? – уже без улыбки поинтересовался парень.

– Да, – ответила честно, кивнув головой. – Не пойму, чего ты выпендриваешься, заставляя меня посылать запросы на выемку того или иного документа.

– Работа у тебя такая, – фыркнул Балабанов.

И тут меня понесло, так как мое терпение лопнуло, и сдерживаться дальше не имело смысла.

– Послушай, умник, – мы смотрели друг другу в глаза. – Я без тебя разберусь, что мне делать, а что нет, уяснил? И не надо указывать, чем я должна заниматься. Кому должна, я всем прощу без исключений. А ты бы немного сбавил обороты, потому что в противном случае наплюю на данное слово и передам дело другому прокурору.

– Не кипятись, – продолжал сканировать меня Павел, а я в ответ на столь наглое заявление закипала еще сильнее. – Лучше назови сумму, чтобы быстренько прикрыть это дело.

– Что-о?

От подобной наглости я даже привстала. Это надо было придумать такое – предложить мне деньги за закрытие дела! Я ни разу в жизни не брала взяток, а этот упырь сидит и нагло улыбается мне в лицо.

Даже карандаш попыталась сломать, но он, гад такой, не поддался.

– Ты чего завелась? – продолжил скалиться Павел. – Я пошутил.

– А ну, вали отсюда, шутник, – повысила голос, включив свой любимый командный тон. – Пока к мошенничеству я еще парочку статей уголовного кодекса не приписала. Тоже мне, взяточник выискался.

И плюхнулась в свое кресло, продолжая пылать гневом.

– Я знаю, что ты взятку не берешь, – Балабанов встал, усмехаясь, и поставил стул на место. – Обычная проверка, – закончил, глядя мне в глаза.

Ну, всё, он меня достал!

– Вон пошел! – прошипела я в ответ, и парень с усмешкой на устах покинул мой кабинет, на выходе крикнув:

– Приятно было познакомиться!

И как только за ним закрылась дверь, я швырнула туда карандаш!

Два дня я продолжала пылать гневом, призывая все кары небесные свалиться на голову Балабанову. Чтобы кто-нибудь треснул его по башке, и мозги встали на место. Додумался тоже, проверки мне устраивать. И без него хватает мозговывосителей на мою бедную и многострадальную голову.

Немного успокоившись и остыв, я принялась всерьез за Пашкино дело, разбирая документы, чтобы ничего не пропустить. Все еще сомневаясь, стоит ли помочь этому негодю или потопить, чтобы проучить на всю оставшуюся жизнь. В зависимости от настроения то плюсы перевешивали минусы, то наоборот.

И тут на пятый день моих мытарств и размышлений о дальнейшей судьбе парня открылась дверь, и в кабинет без стука и предварительного звонка зашел Филатов Андрей Михайлович собственной персоной. Я его уже имела честь лицезреть в зале суда, поэтому его появлению не удивилась. Возмутилась только наглостью мужика – это ж каким надо быть придурком, чтобы так себя вести при первой встрече с обвинителем?

– Добрый день, – начал мужчина, улыбаясь во все тридцать два зуба. Правда, за складками жира на лице и пухлых щеках эти самые зубы не просматривались в нужном количестве,

но дядя, по ходу, очень старался произвести на меня впечатление. Интересно, он сам решил, что у него шикарная улыбка, которая может сразить наповал, или подсказал кто?

– Вообще-то стучаться надо, – пробурчала я в ответ, впиваясь в мужчину взглядом.

– Не думаю, что вы тут занимались чем-то противозаконным.

Он нагло отодвинул стул и уместил туда свой пухлый зад. А я на пару секунд обомлела от подобного поведения. Много чего успела повидать за свою пятилетнюю карьеру, но такую наглость наблюдала впервые.

– Вы кабинетом не ошиблись? – даже ручку отложила в сторону, положив локти на стол и сцепив пальцы так, что костяшки побелели.

– Дарина Александровна, – расплылся Филатов в очередной улыбке, – я никогда не ошибаюсь. Как дело наше движется?

– Нормально, – проворчала в ответ, скривившись.

– А подробнее?

– Все подробности узнаете в зале суда, когда назначат заседание, – равнодушным тоном ответила мужчине. – Еще что-то?

– Просьба к вам имеется, – достал он уже улыбаться!

Как же хочется его послать куда-нибудь подальше! И на физиономию его пухлую никогда больше не смотреть.

– Я слушаю, – произнесла после непродолжительной паузы, потому что рожа Филатова меня начала раздражать до безумия.

– Не могли бы вы, Дарина Александровна, ускорить досудебное расследование и назначить суд, скажем так, через пару недель?

– Во-первых, суд, как вы выразились, назначаю не я, а судья, – включила я строгого прокурора. – А во-вторых, по закону я имею полное право отправлять дело в суд тогда, когда посчитаю нужным, то есть проконтролирую сбор всех документов, чтобы у судьи не возникло никаких вопросов во время рассмотрения дела и вынесения соответствующего приговора. Первое заседание прошло без каких-либо нарушений процессуальных норм, и сроки все соблюдены согласно статьи уголовно-процессуального кодекса. Какие могут быть претензии? Сейчас действует другая статья по срокам рассмотрения дела.

Замолчала и выдохнула. Пусть сидит и думает теперь над тем, что я сказала. Тоже мне, выискался умник, будет еще указывать, когда дело в суд направлять на повторное рассмотрение.

– Ведь можно же сделать исключение, – чуть ли не по слогам произнес Филатов. – Скажем так, – сделал паузу, тяжело вздохнул и закончил негромко: – За определенное вознаграждение.

– Ты охренел? – как-то резко вырвалась у меня данная фраза, а глаза, что называется, на лоб полезли от вопиющей наглости этого упыря.

– Зачем вы так сразу, Дарина Александровна, – сделал невинное лицо мужчина. – Это не взятка, это просто вознаграждение за ваш труд, ничего более.

– Слушай, как там тебя, – от нервного напряжения все мысли из головы выветрились.

– Не важно, – улыбнулся Филатов.

– Вот именно, что не важно, – тональность голоса начала повышаться. – И ты сам не такая важная персона, чтобы на тебя еще и время свое тратить. Поднял свой зад, встал и вышел из моего кабинета! Так уж и быть, стул сама на место поставлю. И без предварительного вызова чтобы я тебя здесь больше не видела.

– Вот зря вы так, Дарина Александровна.

Хоть он и пытался любезничать, было видно невооруженным взглядом, что злится. Но сейчас здесь главная я, поэтому, дядя, будем играть по моим правилам.

– Зря я тебя сразу не вышвырнула из своего кабинета, а тратила время, выслушивая твои бредни, – сбавила немного тональность, чтобы не сорваться. – Ты бы хоть поинтересовался моей подноготной, прежде чем деньги мне предлагать.

– Я буду жаловаться, – со злостью в голосе произнес Филатов.

– А вы, упыри, ничего другого и делать не умеете, кроме как жаловаться и бизнес чужой отжимать. Зато понтов выше крыши. Смотреть противно.

– Тварь продажная! – зашипел мужчина. – Балабанов купил тебя с потрохами?

– Не боишься, что нас слушать могут? – откинулась я на спинку кресла, усмехаясь.

Когда людям нечего возразить в ответ, они начинают оскорблять. Плохи твои дела, дядя, очень и очень плохи. Я бы даже сказала ужасны, раз ты сорвался и перешел на оскорбления.

– Да ты... Я ведь могу сделать и так, что ты вылетишь отсюда на помойку! – продолжал шипеть Филатов.

– Очень страшно, – сделала я акцент на первой букве “о”. – Прямо коленки затряслись.

– И дело другому прокурору отдадут.

– Лучше закрой дверь с другой стороны, пока я тебе статью за взятку должностному лицу не приписала, а также за оскорбление и давление на следствие.

Филатов покраснел как рак, что-то пробурчал нечленораздельное себе под нос и вышел из кабинета, громко хлопнув дверью, чем вызвал у меня усмешку на лице. С какими дебилами приходится работать!

Хоть этот упырь и вопил, что дело могут отдать другому обвинителю, по факту сделать это не так уж и просто. Сначала нужно найти веские основания, чтобы снять уже назначенного сотрудника прокуратуры. Да и поддержка Балабанова не даст забрать у меня дело, зная о моей принципиальности. А после сегодняшнего концерта я исключительно из принципа доведу начатое дело до конца, чтобы никто не смог придраться. Так что все слова Филатова – это пустой звук, не более, на который даже не стоит обращать внимание.

А через час меня вызвал к себе в кабинет Васильев Сергей Васильевич, в миру известный всем как прокурор нашего славного города. Пришлось тащиться на четвертый этаж, захватив с собой на всякий случай дело Балабанова-Филатова. Даю сто процентов, что жирный упырь настучал на меня. Интересно, что он нарасказывал прокурору?

Сергей Васильевич мужик неплохой, я бы даже сказала, довольно порядочный и честный. Единственный минус – это страсть к женщинам, причем любых возрастов и любого достатка, будь то официантка в ресторане или бизнес-леди, прибежавшая просить помощи у нашего всемогущего шефа. Главное, чтобы смазливая, желательна незамужняя, но обязательно понимающая его шутки.

Я, к сожалению, не поняла. Пришлось доходчиво объяснить дяде, куда ему следует идти и в какой позе, когда он попытался меня прижать к стене в своем кабинете.

После этой стычки начались постоянные придирки с его стороны. Пришлось напомнить о его поведении, а также намекнуть, что об этом досадном инциденте может узнать его жена.

Присмирел. Но через какое-то время опять попытался ко мне приставать. Дала пощечину, он поворчал в ответ, но больше попыток к нашему неформальному сближению не предпринимал. С тех пор у нас практически идиллия. Василич, как мы с коллегами между собой называем прокурора, даже прощает мои регулярные опоздания на совещания, хоть я стараюсь не наглеть. Рано просыпаться с утра – это каторга для меня, но никуда от этой повинности не денешься.

– Вызывали? – я зашла в кабинет к прокурору после стука в дверь и его громкого “Войдите”.

– Присаживайся, – кивнул мне мужчина головой на стул.

– Уже настучал этот жирный боров?

– Громова, вот не можешь ты обойтись без скандала.

Сергей Васильевич откинулся на спинку кресла и впился в меня взглядом. Усмехнулась в ответ, отодвигая один из стульев и аккуратно пристраивая в него свою пятую точку.

– Вы бы слышали, что он вопил у меня в кабинете. Еле сдержалась, чтобы в глаз этому упырю не зарядить.

– Даже слышать не хочу. Вон, – швырнул на стол лист бумаги, – полюбуйся, какую телегу на тебя настроил. Требует замену обвинителя, мол, ты не справляешься со своими обязанностями.

– А вы что? – прищурилась, глядя на Васильева.

– А я послал, – жестко выпалил прокурор. – Не хватало еще, чтобы всякие, как ты называешь, упыри мне тут указывали, кого и куда мне назначать.

Все-таки забавный мужик мой шеф. Ведь знает, что могут быть проблемы, но не побоялся послать Филатова. А я точно убедилась, что и Васильева попросили не вмешиваться в процесс, оставив меня обвинителем по этому делу.

– И правильно сделали, – кивнула утвердительно в ответ.

– Не умничай мне тут, – зло фыркнул мужчина, а я мысленно прикусила язык. Сейчас не время язвить и показывать характер, а то как бы самой не попасть под раздачу. – Денег предлагал?

– Ага, – улыбнулась в ответ. – Вознаграждение за ускорение сроков передачи дела в суд.

– А Балабанов? – прокурор впился в меня взглядом.

– Нет, – спокойно ответила, в надежде, что ни один мускул не дрогнул на лице от моего вранья.

В тот момент я твердо решила, что помогу Пашке, несмотря на его шутки, дурацкие проверки и язвительные реплики. И дело даже не в том, что парень мне нравится, а в том, что он прав. И не таким, как жирный боров Филатов, отжимать у него бизнес.

– Тогда иди и работай, – проворчал Сергей Васильевич. – Будем считать, что воспитательную беседу я провел.

В очередной раз усмехнулась и покинула кабинет начальства. Все-таки нормальный мужик наш Васильев!

Глава 4

* * *

Открываю глаза от того, что звонит телефон. На экране фотография отца, и я сразу же принимаю вызов.

– Привет, дочь, – начинает папа уставшим голосом. – Как дела?

– Что-то случилось? – мне уже не нравится вступление, и на отвечать всякие формальные вопросы желания нет.

– Заедешь сегодня? – оставляет без ответа мой вопрос.

– Часов в восемь, идет?

– Будем ждать, – и нажимает сброс.

А я чертыхаюсь, понимая, что папа просто не хотел рассказывать мне по телефону о мамином состоянии. Надеюсь, что ничего критического не случилось, но заеду сегодня обязательно, хоть на десять минут. Сразу после примерки дурацкого платья.

До конца рабочего дня разбираю бумаги в делах, пытаюсь, как когда-то нас учили, распределить правильно свое рабочее время, а также расставить приоритеты в нужном порядке. Юрка Сазонов звонит по телефону, сообщая, что шеф уехал на какое-то совещание, а значит ничего не мешает покинуть рабочее место в начале седьмого вечера.

Надеваю дубленку, выхожу в коридор, закрываю кабинет на ключ и спускаюсь на улицу. Быстренько выкуриваю сигарету, чтобы не выслушивать лекции от своих подружек о вреде курения, а также напоминания о том, что я обещала бросить (кстати, уже раз двадцать точно, если не больше), завожу мотор, давая ему время прогреться, и двигаю в сторону салона Ольги Сазоновой. Боюсь даже представить, что меня там ждет!

Каткина машина припаркована рядом с нужным мне зданием, а значит мои подружки уже внутри. Паркуюсь рядом и направляюсь вовнутрь. Девушка на ресепшене отвечает на мое приветствие улыбкой и сообщает, что меня ждут в примерочной под номером два. Так как я здесь уже бывала не раз, то нахожу нужную мне комнату без проблем.

– Наконец-то, – Катя откладывает какой-то глянцевого журнала в сторону, вставая с дивана и подходя ко мне. Целуемся в щеку вместо стандартного “Привет”. – Мы уже заждались.

– Ты же знаешь, где я работаю, – кривлюсь в ответ, снимая верхнюю одежду и пристраивая дубленку на свободном стуле. – Еще не показывали? – киваю в сторону двери, ведущей в подсобку.

– Тебя ждем, – улыбается подруга в ответ.

– Анька в коридоре так увлечена разговором по телефону, – усмехаюсь, переводя разговор на другую тему, чтобы не начать расспрашивать подругу раньше времени о непонятном пока сюрпризе. – Даже меня не заметила.

– Антон позвонил, позавчера в Москву уехал по срочному делу. Должен завтра вернуться. Иначе я ему не прощу, если пропустит самый лучший день в моей жизни.

Свадьба. Мне даже не верится, что моя любимая лучшая подруга Катя Миланская выходит замуж! Еще каких-то полгода назад мы об этом даже не думали, а теперь примеряем платья, потому что послезавтра она станет замужней дамой. И я очень рада, что она наконец-то встретила свою вторую половинку.

Сколько себя помню, мы всегда втроем – я, Катя и Анечка Мартынова, наша третья подружка. Милая и скромная девочка, которую хочется почему-то всегда опекать и защищать.

Кстати, тоже встретила мужчину своей мечты относительно недавно. И тоже скоро собирается свинтить, правда, не за границу, а в столицу, бросив меня на произвол судьбы.

Катя – известная в городе журналистка, еще несколько месяцев назад даже не предполагавшая, что ее судьба находится совсем близко. Артем Вишневецкий, довольно богатый парень, когда-то подрезал мою подружку на своем спорткаре, еще и обзавая ее парочкой нелюбопытных выражений. Катюха обиделась и начала ежемесячно писать статьи в местном глянцево-м журнале о похождениях Артема, пытаясь преподнести общественности парня не в самом лучшем виде. А он, как по заказу, продолжал каждый месяц отчебучивать очередной фортель.

Из них получился шикарный дуэт – Артем творит, Катя сочиняет статейки. Правда, я так и не поняла, какие цели она преследовала – то ли отомстить Артему, то ли обратить на себя его драгоценное внимание. И так длилось почти два года, пока Катюха не поведала общественности, как наши мажоры празднуют свои дни рождения. Удар в глаз губернаторскому сыну и полная безнаказанность за содеянное. Кстати, тогда Артем вроде как заступился за честь девушки, которую проволоч с собой в ресторан Балабанов.

В моем понимании, подобное поведение называется нарушением закона, но многие со мной не согласятся, посчитав Вишневецкого героем. Спорить не буду, потому что иногда и сама считаю, что мужчина должен уметь постоять и за себя, и за свою женщину.

Тогда-то, в ответ на эту статью, Артем и предложил Катюхе сделку: пожить в его доме и посмотреть на его жизнь изнутри, после чего он готов был дать эксклюзивное интервью. Кстати, идея проучить таким способом Катю пришла в голову Пашке, чем он и поделился со своим другом. Вот ведь фантазии у человека, его бы энергию, да в нужное русло направить. Забыла сказать, что Вишневецкий и Балабанов – лучшие друзья, свалившиеся на мою бедную голову.

Я, кстати, еще в самом начале предрекала Кате долгую и счастливую жизнь с Артемом, на что она фыркнула и возмутилась в ответ. Знала бы она тогда, чем это закончится, поостереглась бы называть своего будущего мужа “напыщенным индюком”. Катина вечная рассудительность и сдержанность плюс взрывной характер и любовь к повышенному адреналину Артема – по моему, они идеальная пара!

А ещё Вишневецкий в моих глазах поднялся на несколько пунктов после того, как я узнала, что он занимается благотворительностью, стал более сдержанным и ответственным, и даже один раз помогал нам с девочками в ремонте машины, став моим напарником на целый день. Выдержав с блеском все мои придирки, за что заработал сразу несколько положительных очков в моих глазах.

И вот теперь эти двое послезавтра женятся. А в среду улетают на полгода в Майями, где у Артема есть собственный дом на берегу океана, а также возникла необходимость присутствия Вишневецкого в Штатах и контроль за ведением бизнеса. А Катя, как верная жена, последует с ним в другую страну. Благо работа позволяет ей находиться в любом месте, не обязательно в нашем городе. И я останусь без моей любимой лучшей подружки.

– Кстати, ко мне сегодня Балабанов приходил, – смотрю на Катюху, а та усмехается. – Ты посоветовала?

– Артем попросил его вести себя хорошо, – смеется подруга в ответ. – Пашка как узнал, что ты будешь свидетельницей, разошелся похлеще грома с молниями. Думала, стены рухнут от его воплей. Еле утихомирили с Петровной. Договорились? – девушка смотрит мне в глаза.

– Заключили временное перемирие, – тяжело вздыхаю в ответ.

– Ты же не будешь над ним издеваться? – аккуратно интересуется, поднимая обе брови вверх.

– Вот скажи мне, Миланская, на кой хрен тебе далась эта большая свадьба с дурацкой тамадой и ее не менее дурацкими конкурсами? – что-то в последнее время, как только речь заходит о Балабанове, меня начинает куда-то нести. И сдерживать свои эмоции не получается. – Вон, бери пример с Анюты, – вторая подружка как раз заходит в примерочную, улыбаясь при

виде меня. – Расписались, посидели в ресторане, так сказать, в семейном кругу, и никаких тебе конкурсов, шариков, отжиманий и приседаний. Или что там еще на свадьбах делают?

Анюта становится на носочки, чтобы поцеловать меня в щеку. Она стала еще милее после того, как узнала, что примерно через семь-восемь месяцев станет мамой.

Свою единственную любовь Аня встретила еще в школе. Антон Сторожилов нравился всем девчонкам, кроме меня. Но тогда, одиннадцать лет назад, то ли недопонимание, то ли молодость сыграли свою роль, и Аня с Антоном расстались. Но, как оказалось, судьба подарила им второй шанс. И они им воспользовались.

Два месяца назад ребята попали в передрыгу. Пришлось немного побегать и разобраться, что к чему. Но как известно, совместные неприятности сближают людей, что и произошло с нашей парочкой.

Анька получила сильное сотрясение, Антон завязал с незаконным бизнесом, и все остались счастливы. Кстати, Сторожилов проявил себя с самой лучшей стороны, взяв всю ответственность за мою подружку на себя. Даже мне нечего было возразить на его безупречное поведение, хоть еще со школы я его, как всех мажоров, очень сильно недолюбливала.

После всех пережитых неприятностей Антон увез Аньку на отдых за границу, а вернувшись оттуда, подружка узнала, что ждет ребенка. Сторожилов прыгал от радости и срочно потащил нашу красотку в ЗАГС. Я бы очень удивилась, не сделай он этого шага, и даже не стала влезать со своими советами, глядя, как у моей любимой Аньки горят глаза при виде своего теперь уже мужа.

Впрочем, как и у него глядя на Аню.

Две недели назад она стала Сторожиловой, пригласив нас на свою скромную свадьбу. Родители жениха и невесты, Катюха с Артемом, а также парочка друзей Антона и Анькин шеф из автосервиса. Забыла сказать, что моя подружка – один из лучших специалистов по ремонту автомобилей. А я впервые в жизни побывала в роли свидетельницы вместе со старшим братом Антона.

Все прошло тихо, спокойно и без каких-либо эксцессов. Посидели в ресторане, выпили, посмеялись и потанцевали. Сделали парочку фото на память и разъехались по домам.

По-моему, идеальная свадьба.

– Послушай, Громова, – шипит в ответ Катя. – Я хочу праздника, и мне плевать, что думают по этому поводу остальные. У меня не было выпускного, точнее праздничного настроения по поводу окончания школы. Может, напомнить, как я полвечера прорыдала от того, что мать так и не соизволила появиться, а ты с Анькой, – тычет в меня пальцем, – мне сопли вытирали? А на окончание института даже вы не приехали. Я все понимаю, – не дает мне вставить даже слова в свое оправдание. – И не пытаюсь тебя в чем-то упрекнуть. Просто подробно объясняю, чтобы ты поняла. Я. Хочу. Праздника! – произносит по слогам последнюю фразу. – С конкурсами, смехом и весельем. Чтобы у невесты украли туфельку, а потом и саму невесту тоже украли. Это понятно?

– Ладно, не нервничай. Чего ты завелась? – делаю невинно-удивленные глаза. – Хочешь праздника? Будет тебе праздник. Я даже готова с Балабановым целоваться, лишь бы ты улыбалась весь день, – как-то само вырывается у меня из уст. – Хочешь?

– Хочу, – выдает Миланская. – Очень хочу, чтобы вы не ссорились.

– Не будем, – согласно киваю. – Но и целоваться с ним тоже не буду! – тычу в нее пальцем.

– Посмотрим, – смеется в ответ Катя, но тут нас прерывают.

Открывается дверь из подсобного помещения и входит Оля Сазонова, улыбаясь и приветствуя меня, так как девочек она уже видела и успела с ними поздороваться. А следом за ней идет помощница и несет в руках платье.

– Готова к примерке? – спрашивает меня Ольга.

– Нет! – крик вырывается непроизвольно. – Только не это! – перевожу взгляд на Катю. – Я его не надену!

Красное! Это платье – красное!!! Красивое, длинное и очень сексуальное. Но я его все равно не надену. Синий, зеленый, желтый, черный, белый – любой цвет, кроме красного!

Теперь я понимаю и ехидные намеки Юрки, и его таинственность. Если бы он мне сразу раскрыл все карты, я бы не поехала на примерку, придумав сотню отмазок по телефону.

Катя делает серьезное выражение лица и произносит очень медленно:

– Наденешь!

– Нет! – снова вырывается у меня очень резко и быстро. – Миланская, даже не проси!

– Я обижусь! – строго произносит Катюха, пристально глядя мне в глаза. – Оно идеально подходит под мой свадебный наряд. Ты же не хочешь меня расстроить?

Стону, затем мычу, после чего тяжело вздыхаю, но продолжаю стоять на своем.

– Я даже в одном нижнем белье готова идти на твою свадьбу, но только не в красном! Катя, – хныкаю, пытаюсь надавить на жалость подружки. – Ну пожалуйста.

– Дарина, ну пожалуйста, – передразнивает меня девушка, кривясь от моего очередного вздоха со стоном.

– Ты хоть примерь для начала, – прерывает наш диалог Ольга.

Грозно смотрю на нее, потом на Миланскую, затем перевожу взгляд на Аньку. Ни капли сочувствия. Еще и руки обе подруженьки солидарно и синхронно складывают на груди, головой кивая в сторону Ольгиной помощницы, которая с круглыми глазами наблюдает за нашими перепалками, продолжая держать мое платье на руках.

– Я тебе это припомню! – шиплю Катюхе и скидываю форменный китель, швыряя его на пустой диван.

Быстрым шагом пересекаю примерочную и захожу в довольно просторное подсобное помещение, где снимаю остатки одежды, оставаясь в нижнем белье и колготах. Девушка помогает мне застегнуть платье сзади, так как замок заканчивается чуть ниже поясницы, и самой справиться с ненавистной молнией нет никакой возможности.

Я все еще надеюсь, что либо кто-то напортачил с размерами, и платье мне не подойдет, либо оно будет недостаточной длины, и я смогу со спокойной совестью надеть другой наряд. Но чуда не происходит, и мои надежды канут в лету – красное платье сидит на мне идеально! Даже придраться не к чему.

Вот ведь специалисты, чтоб им пусто было, по одним размерам, без предварительной примерки, сшили наряд, к которому даже претензии предъявить сложно!

Смотрю на себя в зеркало и вынуждена признаться сама себе – выгляжу шикарно. Но стервозность – это мое жизненное кредо, и я так просто не сдамся.

Выхожу из комнаты в примерочную, наблюдая, как на лицах у девчонок расплываются улыбки.

– Вау! – Анька поднимает большой палец вверх.

– Круто! – Катюха подмигивает Ольге.

– Великолепно! – произносит дизайнер.

– Отстой! – прерываю я их восторги. – Сказала, не надену, значит не надену.

– Дарина, не горячись, – Оля подходит ко мне, расправляя складки на платье. – Красный цвет идеально подходит под твои темные волосы и голубые глаза. К тому же свадебное платье Кати с розовым отливом – вы будете неподражаемы.

– Почему я не могу надеть, к примеру, зеленое платье? – берусь пальцами за бедра, делая, что называется, “руки в боки”. – Анька, ты в каком платье будешь у Миланской на свадьбе?

– В зеленом, – тихо вздыхает подружка.

– Вот, – тычу пальцем в Катю. – Почему ей можно, а мне нельзя?

– Достала уже вопить! – срывается Катюха. – Не нравится, не надевай! Можешь вообще не приходить. Раз в жизни попросила об услуге, так ты тут своими воплями сейчас оглушишь всех. Платье ей, видите ли, не нравится. Оля, пошли на примерку.

И она хватает Сазонову под руку, направляясь вместе с дизайнером в подсобное помещение. Провожая их взглядом и в очередной, не помню какой по счету раз, тяжело вздыхаю. Еще поругаться не хватало нам накануне свадьбы.

– И зачем Кате настроение испортила? – спрашивает Анька, когда мы остаемся с ней вдвоем. – Девочки хотели, как лучше. Чтобы красиво было. А ты... – качает головой из стороны в сторону. – Тебе очень идёт это платье, правда.

– Знаю, – бурчу в ответ.

Мы замолкаем, думая каждая о своем, но тут у Аньки вырывается очередное “Вау”, и я поворачиваю голову назад.

От подобной красоты на несколько секунд пропадает дар речи. Катюха в нежно-розовом платье с корсетом и длинной пышной юбкой выглядит круче любой звезды! Такая милашка, что Вишневатский сто процентов потеряет не только способность говорить, но и двигаться. Вроде и простой наряд, без каких-либо модных наворотов, а на Кате смотрится просто шикарно.

Подруга подходит ко мне и останавливается рядом. Смотрит прямо в глаза и улыбается. Перевожу взгляд на противоположную стену, где мы вдвоем отражаемся в зеркале.

Усмехаюсь, снова вздыхаю, и произношу:

– Уговорила.

Раздается смех и хлопки в ответ, а мы с Катюхой обнимаемся. И она шепчет мне на ухо:

– Спасибо, дорогая! Только еще одна просьба.

– Какая? – отстраняюсь от подруги и снова заглядываю в ее невинные глаза.

Чувствую своей пятой точкой, Катерина еще какую-то пакость задумала. Не может без сюрпризов!

– Туфли мы тоже красные подобрали, – произносит негромко, закрывая один глаз.

– Миланская, – у меня даже нет сил сопротивляться. – Если бы не твоя свадьба...

– Знаю, – кивает головой Катя. – Ты бы меня послала.

– Давай уже и туфли, чтоб им пусто было.

Девчонки снова смеются, и дальнейшая примерка проходит на волне позитива.

Через час прощаемся с подругами возле машин. Обещаю Катюхе, что завтра отпрошусь пораньше с работы и сразу же к ней. Устроим вдвоем мини-девичник, так как Анята будет ждать своего Сторожилова. Да и пить ей теперь нельзя, поэтому она не в обиде.

Наши платья вместе с туфлями Миланская забирает с собой, чем вызывает у меня очередную улыбку. Я же слово дала, так что меры предосторожности, как она выразилась, излишние.

Сажусь за руль и еду к родителям. Что-то голос отца по телефону мне не понравился, а со своим графиком и вечными делами не так часто получается поведать близких мне людей, как того хотелось бы.

Паркуюсь возле подъезда, предварительно заехав в супермаркет за продуктами, и с пакетом в руке поднимаюсь на второй этаж. Еще и ключ от родительской квартиры дома забыла, растяпа, так что придется звонить. Хотя меня здесь ждут в любое время.

Двери открывает отец, которого я безумно рада видеть именно сегодня. Не знаю, что со мной происходит, но хочется, как в детстве, залезть к нему на колени и рассказать обо всех проблемах. Что мальчик, который мне нравится, дергает меня постоянно за косички, а воспитательница в очередной раз поругала за то, что я не захотела есть манную кашу.

Как давно это было. Сейчас все гораздо сложнее. Или это просто я выросла и по-другому начала смотреть на многие вещи.

Даже голову не буду забивать подобной ерундой, пытаюсь найти очередной смысл в моей непутевой жизни. Главное, что есть место, где тебя ждут. И любят, несмотря на твои грехи, промахи и прочую чепуху. И это место – родительский дом.

Глава 5

- Как мама? – спрашиваю, ставя пакет на пол и расстегивая молнию на сапогах.
- Хуже стало, – тяжело вздыхает отец.
- В смысле? – останавливаюсь на месте. – Врача вызывал?
- Да.

Не могу на него смотреть в таком состоянии. Бывший военный, всегда подтянутый и полный жизненных сил, папа сдал в последнее время из-за болезни супруги. Ни на шаг от нее не отходит, каждый раз боясь, что случится очередной приступ, а его не будет рядом. И он не сможет спасти свою любимую женщину.

Я – поздний и единственный ребенок в семье. Не знаю, что за хвори были у моей мамы, но очень долго она не могла иметь детей. Когда уже силы бороться дальше закончились, и она фактически опустила руки, случилось то, чего так долго ожидали мои родители. То есть появилась на свет я.

Мама с папой воспитывали меня в строгости, боясь избаловать и прививая только нужные ценности, такие как дружба, ответственность, порядочность и целеустремленность. Конечно же, я, как и любой другой ребенок, баловалась, шалила, а в школе даже умудрялась хамить учителям, но всегда сама отвечала за свои слова и поведение. Видимо, юрист – это было изначально заложено у меня на генетическом уровне.

- И что сказал врач? – беру с пола пакет и направляюсь на кухню.
- Пока на лекарствах, но может понадобится операция, – отец плетется следом.
- Черт, – вынимаю продукты, рассовывая их по полкам в холодильнике. – Может, ее еще раз в Москву отправить на обследование? В прошлый раз вроде помогло.
- Она не хочет, – мой любимый мужчина кивает отрицательно головой. – Говорит, что лучше уж здесь, – делает паузу. – В родных стенах.
- Даже слышать об этом не хочу! – строго смотрю на папу своим коронным взглядом, не допуская возражений. – И ты выкинь из головы всякую хрень!
- Дарина, – немного возмущенным тоном произносит мой родитель.
- Ты же знаешь, что иногда я резко выражаюсь. Ничего не могу с собой поделать, – улыбаюсь и развожу руками.

При родителях стараюсь не употреблять грубые словечки, но иногда вырывается. Папа пытается делать замечания, в глубине души понимая всю тщетность своей затеи. Меня уже не переделаешь, но не хочу лишний раз его расстраивать.

- Саша, – слышу голос мамы из дальней комнаты. – Кто там пришел?
- Мамуль, это я, – кричу в ответ. – Сейчас зайду.
- Ей нельзя нервничать, – шепчет отец. А то я сама не знаю.

Выхожу из кухни, направляясь в родительскую спальню.

Мама лежит на кровати, возле которой на тумбочке горит настольная лампа. Какая она у меня красивая, несмотря на возраст и бледность кожи. Любая болезнь человека не красит, но мама даже сейчас умудряется улыбаться.

- Как же я рада тебя видеть, – говорит, протягивая ко мне руки.
- Разбудила? – сажусь с ней рядом, наклоняюсь и целую ее, так же позволяя себя обнять.

Несколько секунд не разжимаем рук. Как же мне хочется забрать все ее проблемы себе, избавив от боли и страданий!

- Ничего страшного, – мама первой выпускает меня из объятий, и я сажусь ровно, продолжая, правда, держать ее руку в своей. – И так целыми днями только ем и сплю.
- Как ты себя чувствуешь? – задаю вопрос и замираю в ожидании ответа.
- Отец, как всегда, преувеличивает, – мама пытается улыбнуться. – Все в порядке, дочка.

– Ага, вижу я, какой у тебя порядок, – зачем-то ворчу, но моя самая любимая женщина в мире в ответ только гладит пальцами мою ладонь.

Мысленно бью себя по голове за несдержанность. Ну, вот зачем еще больше напоминаю о ее болезни?

Уже два года у мамы серьезные проблемы с сердцем. Я не сильна в медицинских терминах, но, как популярно объяснил мне когда-то врач, неправильно срабатывает какой-то клапан, и кровь не поступает в сердце, вызывая сбой, а он в свою очередь – одышку даже при небольшом движении, отеки и сильные боли. А также есть огромная вероятность того, что случится инфаркт. Это если кратко.

Мы отправляли маму на обследование в Москву, так как в нашей областной больнице не берутся делать операции по замене аортального клапана, но там сказали, что можно обойтись пока без хирургического вмешательства. Какое-то время помогали лекарства, но сейчас маме стало опять хуже. И мы с отцом не знаем, чем ей помочь.

– Лучше расскажи, как у тебя дела, – мама прерывает наше молчание первой. – Я так редко тебя вижу.

– Мамуль, ты же знаешь, где я работаю, – другой рукой глажу ее по голове, убирая пряди волос за ухо. – Но обещаю приезжать почаще, если ты будешь всегда улыбаться.

– Платья померили?

– Ага, – усмехаюсь в ответ. – Миланская – красотка, глаз не оторвать. Ох, и тяжело придется ее мужу. Он такой ревнивый!

– Ты у меня тоже красавица, – произносит мама с гордостью в голосе. – Самая лучшая в мире.

– Знаю.

– А свидетель кто?

Собираюсь с мыслями, чтобы не ляпнуть ничего лишнего. Надо как-то аккуратно сменить тему нашего разговора, чтобы не расстроить маму.

– Друг Артема, – отвечаю уклончиво.

– Симпатичный? – хмурит лоб, но улыбается.

– Да.

И вот кто меня за язык тянул? Чувствую, сейчас начнется допрос с пристрастием. Надо было ей в следователи идти, а не в бухгалтеры.

– Так может, ты бы присмотрелась к нему получше, раз он тебе нравится, – как обычно, мама делает скоропалительные выводы. – Глядишь, и внуков понянчить успею. Лет-то нам с отцом не мало. Очень хочу увидеть тебя в свадебном платье.

– Мам, не начинай, – вижу, как по щеке у нее катится одинокая слеза. – Сама же себя накручиваешь. Но я к нему присмотрюсь, обязательно.

– Обещаешь?

– Клянусь, – честно отвечаю. – Даже познакомлю тебя с ним.

Что не сделаешь ради того, чтобы любимый человек снова начал улыбаться? Потом буду себя корить и ругать за столь опрометчивые обещания, а сейчас наблюдаю, как мама смахивает слезу и снова улыбается. Ради этого я готова Балабанова сюда силком привести и заставить признаться моим родителям, что он от меня без ума.

– Останешься? – спрашивает с мольбой в глазах мама.

– Давай в воскресенье? А в понедельник с утра на работу от вас поеду. Дома бумаги кое-какие надо забрать, а ты же знаешь, как я не люблю вставать рано утром.

– Хорошо.

Мама протягивает руку и проводит пальцами по моей щеке. А я прижимаю ее ладонь лицом к плечу. Целую ее на прощанье в губы и выхожу из комнаты. Хоть бы не сорваться и не заставить ее переживать еще больше.

Папа выходит вместе со мной на улицу, достает пачку сигарет и закуривает. Знаю, что нервничает, но не хочет расстраивать маму, поэтому никак его поведение не комментирую.

– Если что-то случится, звони в любое время. – Целую его в щеку на прощание. – И не кури много. В воскресенье приеду с ночевкой.

Сажусь быстрее в машину, потому что чувствую, как слезы выступают на глазах. Не хватало еще расстроить отца своими рыданиями.

Глава 6

До дома добираюсь быстро, оставляя машину во дворе. Поднимаюсь на лифте на седьмой этаж и захожу в свою любимую однокомнатную квартиру. Мне повезло с жильем, купила его практически за бесценок, потому что прежние хозяева уезжали на ПМЖ в Испанию. Сроки поджимали, поэтому цену снизили по-максимуму, чтобы быстрее продать. И я об этом случайно узнала.

На тот момент у меня уже имелись кое-какие сбережения, плюс добавили родители, а также мои подружки приняли непосредственное участие, напрочь отказавшись давать мне деньги в долг. Только безвозмездно, за что я люблю их обеих.

Принимаю душ и заваливаюсь спать после сегодняшнего напряженного дня. Надеюсь, что завтра с утра быстренько разберусь с делами, а после обеда смоюсь, отпросившись у руководства.

Но иногда случаются исключения в виде неадекватных потерпевших, которые периодически попадают на моем пути и пытаются вынести мозг, а также добавить работы, наверное, думая, что в прокуратуре только штаны просиживают.

Придя с утра в свой кабинет, первым делом включаю чайник. Сегодня позволила себе подольше поваляться в постели, решив выпить кофе уже на работе.

Делаю первый глоток горячего ароматного напитка – Боже, какой кайф! Не могу окончательно проснуться хотя бы без небольшой дозы кофеина. Как наркоманка, честное слово.

Разбираю новые дела, пролистывая бумаги для ознакомления одной рукой, в другой держа чашку и периодически делая глотки еще не остывшего кофе. И тут замираю, читая очередное дело.

Заявление потерпевшей, на которую якобы напал сосед, справка о телесных повреждениях из больницы, и дурацкое заключение следователя, которое нарушает все юридические нормы. Не поняла, это всё?

Смотрю на фамилию следака – Румянцев А.С. Знаю такого, из Центрального райотдела. Вроде раньше за ним халатности не наблюдала, а тут фигня какая-то, по-другому и назвать не могу.

По памяти набираю номер телефона дежурного, благо еще старческим маразмом не страдаю и все нужные цифры помню наизусть. Пока жду ответа, делаю очередной глоток кофе и заново просматриваю бумажки. Такое безобразие вижу впервые, и очень интересно, что же случилось. Не мог Румянцев так напортачить.

Дежурный диктует мне номер следака, и после пятого гудка тот берет трубку:

– Слушаю.

– Саша, это Громова из городской прокуратуры, – делаю небольшую паузу. – Привет.

– А, Дарина Александровна, – слышу в голосе радостные нотки. – Здравствуйте. Чем обязан?

– Да мне тут дело одно попало, которое ты вел. Некая гражданка Михайлова С.В. записала заявление на своего соседа Чернова В. С. о нанесении телесных повреждений. Сняла побои, о чем имеется справка. И всё.

– Было дело, – перебивает меня следователь, правда, голос его уже звучит довольно печально. Или мне так только кажется? – Я в заключении все указал.

– Сань, ты издеваешься надо мной? – повышаю тональность. – Это что за хрень ты мне передал? Где протоколы допросов? Проверку тебе устроить? Выговор хочешь получить?

– Можете даже уволить, – довольно нервно отвечает парень. – Но избавьте меня от общения с этими ненормальными.

– Так, стоп, – чувствую, что следак сейчас бросит трубку. – Давай по порядку, что случилось?

– Если нужны протоколы допросов, общайтесь с ними лично сами. Я не буду, даже не просите!

– Ты охренел?

Это ж какую надо наглость иметь, чтобы мне предлагать сделать за него его же работу?! Слов нет, одни эмоции. Скоро будем вместо них сами на место преступления выезжать – а зачем нам прокладка в виде районных следаков?

– Дарина Александровна, – уже спокойнее произносит Румянцев. – Я вас уважаю, но допрашивать этих двоих не буду. Хотите – выговор мне втулите, хотите – увольняйте. Если сможете их опросить и заполнить протокол допроса – я вам лично ящик шампанского куплю!

А это что-то новенькое! Люблю я вызовы, тем более сегодня точно не откажусь, когда настроение зашкаливает в преддверии раннего ухода с работы и мини-девичника с Катюхой.

– Уговорил, – усмехаюсь в трубку. – Последний вопрос. Потерпевшая – Михайлова Светлана Васильевна, а обвиняемого как звать?

– Чернов Василий Степанович, то еще фрукт, – слышу, как голос следака зазвучал радостнее.

– Васька Чёрт? – смотрю в бумаги на адрес. – Ну да, улица Мира тринадцать, точно он. Ты ничего не попутал? Васька Чёрт – карманник, а не гопник. Он баб не бьет, он у них кошельки тырит, при этом улыбается так мило, что хочется прижать его к груди, накормить, еще и самой денег дать. Руки у мужика золотые, сама его лично один раз сажала. Не знала, что он уже вышел.

– Вот и пообщайтесь, раз вы знакомы. А меня увольте.

– Ладно, сама разберусь. Шампанское готовь, – и нажимаю сброс.

Очень давно, когда я только мечтала стать квалифицированным юристом и трудиться на благо родного города, избавляя его от социально-опасных элементов, я понятия не имела, что буду выражаться подобным образом – гопник, карманник, бандюган или гоп-стоп. Но раз крутишься в этой среде, приходится приспособливаться и волей-неволей общаться на том языке, который эти самые элементы понимают.

Еще один вопрос, который не дает покоя – как дело ко мне попало? Видимо, в районной прокуратуре отмахнулись от него, не став разбираться и отправив дальше по инстанции. Лени и лоботрясы, по-другому никак этих деятелей не могу назвать.

Набираю номера телефонов и вызываю по очереди всех фигурантов. Не знаю, чего так заморачивается Румянцев, судя по голосу – довольно милая барышня эта потерпевшая.

А через час имею честь лицезреть эту самую барышню в своем кабинете. Да так, что дар речи и способность выражаться цензурно напрочь пропадают, оставляя место удивлению от услышанного и увиденного.

Дверь открывается и без стука входит, как я догадываюсь, Светлана Михайловна, потому что больше никого сегодня не жду. Кстати, на первый взгляд – довольно приятная женщина лет тридцати пяти или около того.

– Стучаться не учили? – поднимаю глаза от бумаг, наблюдая, как вошедшая дама оглядывается по сторонам, подняв вверх руки. – Вы кто?

– Я – дочь Солнца, – произносит барышня загробным голосом. – А у вас тут летает дух Тьмы.

– Чего? – я тарашу глаза, глядя на это “чудо” природы.

– Аура здесь нездоровая, – продолжает вещать женщина, закатывая глаза вверх. – А тебя, – переводит на меня взгляд, – поглотила темная сила.

– Я так понимаю, вы Светлана, – произношу чуть ли не по слогам, начиная понимать, почему следак отказался проводить допрос. – Присаживайтесь.

– Я – Светлая, а ты – Темная, но это можно исправить.

– Ага, – ворчу, скрививши лицо. – Разбег только возьму. Ты мне еще про конец света поведай.

– Ты тоже его ждешь? – женщина срывается с места, подбегает к стулу, быстро отодвигает его и садится, заглядывая мне в глаза. – Еще не все потеряно. Все люди должны объединиться, приняв новую веру, чтобы избежать полного вымирания.

– Давайте о деле, у нас тут не дом исповеди, а прокуратура.

Вздыхаю, понимая, что будет тяжело. Протерли мозги тетке капитально. У нас до сих пор куча сект, где таким вот наивным дурам втюхивают всякую чушь наподобие их миссии на этой планете и приближения конца света. Самое главное, что доказать ничего нельзя, потому что идут они туда добровольно, ничем противозаконным не занимаются. За что сажать прикажете?

Молятся люди Богу, называя его другими словами – что здесь криминального? А потом отписывают квартиры и несут туда все свои сбережения – так ведь по собственной воле, никто не принуждает их отдавать свое имущество на благо “церкви”.

– Я хотела изгнать из него темные силы, – Светлана садится в кресле ровно, правда, продолжая смотреть мне в глаза.

– Из него – это из Васьки Чёрта? – переспрашиваю, чтобы правильно понимать ее намерения. Очень тяжелый случай, но приходится внимательно выслушивать, периодически поддавая.

– Он предназначен мне судьбой, – кивает барышня утвердительно головой. – Но пока он не присоединится к светлым, мы не можем быть вместе.

– Ё-мое, – легонько бью себя по лбу.

Бедный Васька. У чувака три ходки на зону за кражи, а тут такое счастье привалило! И как это все теперь мне разруливать, скажите на милость?

– Мы все равно будем вместе, – продолжает вещать дама. – Я от него не откажусь. Его надо спасти.

– А в тюрьму его зачем хотите определить? В виде спасения, или другие какие цели преследуете? – раз уж угораздило меня с ней связаться, придется доходчиво объяснять. – Кстати, а чем вы занимаетесь, Светлана?

Барышня смотрит на меня, как на умалишенную, вызывая улыбку на моем лице. Сейчас ты у меня попляшешь, дорогуша. Не хватало еще бредни твои здесь выслушивать и время свое драгоценное на тебя тратить.

– Мой отец – известный художник, – спокойно отвечает женщина. – Мне в наследство досталась коллекция картин и кое-какой антиквариат.

– Процент от выставок, продажа коллекционерам – неплохо для дочери Солнца. А как же духовная пища? – меня несет не в ту степь. – Или светлые у нас тоже мясо с картошкой едят?

– Да как вы смеете! – вскакивает с места Михайлова. – Вы...

– Я, – передразниваю ее. – Мне в протоколе допроса что писать? Что дочь Солнца изгнала злых духов из сына Тьмы?

– Он меня избил, – снова садится на стул потерпевшая. – И выгнал из квартиры. Накажите его!

– Ага, разбежалась второй раз, – улыбаюсь от подобной наглости. – Значит так, уважаемая Светлана, не помню как по отчеству. Пока не принесете мне справку от психиатра о том, что вы вменяемы, никого наказывать я не буду. Попробуете купить подобную справку, заплатив врачу деньги – назначу повторную экспертизу, – намеренно звучно захлопываю дело, что женщина аж подпрыгивает на месте. – И тогда вам не поздоровится. Все понятно?

– Я буду жаловаться, – шипит, кидает на меня взгляд полный ненависти, встает и демонстративно покидает мой кабинет.

– И где ж вас таких дур делают, – говорю закрывшейся только что двери и снова опускаю взгляд в разложенные на столе бумаги.

А через какое-то время слышу негромкий стук в дверь. Это еще кого принесло?

– Войдите, – кричу, наблюдая, как дверная ручка медленно опускается, и в проеме показывается голова Васьки Чёрта. А я уже и забыла, что его тоже вызывала.

– Дариночка Александровна, а я к вам, – улыбается мужчина. – Можно?

Головой киваю на стул, после чего Василий аккуратно закрывает дверь и бочком двигается к столу.

Тип он забавный, я бы даже сказала уникальный в своем роде. Невысокого роста, юркий и, заявляю как женщина, очень очаровательный. Улыбается так мило, что бабы готовы верить каждому его слову.

Года четыре назад Ваську снова поймали с поличным, и я выступала обвинителем в суде. Со мной он общался вежливо (если его жаргон можно так назвать), признал свою вину, за что немного скостили ему срок.

Работает Василий по-старинке – заточенной монетой. Режет сумки у доверчивых граждан, вытаскивая кошельки. Ловили его всего три раза, а вот сколько денег он украл на самом деле – на этот вопрос Василий обычно улыбается и отмалчивается.

– И что ты в этот раз натворил, чудище? – строго спрашиваю, глядя, как мужчина шмыгает носом и опускает глаза в стол.

– Да я... – делает паузу. – Да мы с Витькой по чуть-чуть... – снова пауза. – А тут она...

– Достал уже, – прерываю его речь, понимая, что все равно ничего не добьюсь. По-другому он не выражается, придется разбираться с тем, что имеем. – Нормально можешь сказать?

– Да не помню я, – поднимает на меня взгляд, полный мольбы. – Дариночка Александровна, я ж не спецом. Она повадилась ко мне шастать, а тут, – наклоняется ко мне ближе. – Приставать стала.

– Так ты ж мужчина видный, симпатичный, – усмехаюсь, а Васька начинает краснеть. – Она женщина одинокая. По голове зачем же сразу?

– Я не бил, честное слово! – Василий прикладывает правую руку к груди в области сердца. – Только толкнул. А головой, – снова пауза. – Она сама, я ни-ни!

– Вася, как же ты мне дорог, – тяжело вздыхаю, встаю и включаю чайник, демонстрируя мужчине спину.

Закончится сегодня этот дурдом или нет? Уже обед, мне бежать надо, а тут эти двое, чтоб им пусто было. Поворачиваю голову назад и смотрю на поникшего Черта.

– Снова на зону? – Василий поднимает взгляд, полный мольбы.

– Ты когда вышел? – насыпаю в чашку сахар и кофе.

– Три месяца назад, – тяжело вздыхает.

– На работу устроился? – Васька отрицательно кивает головой. – Вот, – тычу в него пальцем, поворачиваясь в пол-оборота. – И как я могу тебе поверить на слово, что ты ни в чем не виноват?

– Дариночка Александровна, да я ж... – пауза. – А она... – снова пауза. – И вот, – очередной вздох.

– Значит так, Василий, предлагаю заключить договор, – мужчина поднимает голову и смотрит на меня преданными глазами. Сколько же надо человеку для счастья. Чайник закипает, и я наливаю кипяток в чашку. – Я тебе помогаю избежать тюрьмы, а ты устраиваешься на работу, и никакого воровства, договор?

– Куда ж я... – замолкает, махнув рукой.

– Выбирай сам, потому что, если ты нарушишь наш договор, – сажусь в свое кресло, – я тебя посажу. Причем надолго, Василий. И я не шучу. Очень не люблю, когда меня обманывают.

Минуты две в кабинете стоит тишина, слышны только вздохи Васьки. Такой несчастный у него вид, что, не зная, как он умеет давить на жалость, я точно бы повелась и простила ему все грехи.

– Договор, – кивает Васька утвердительно. – Только кто ж меня возьмет, с судимостью?

– Ну, есть у меня знакомый, который держит автосервис, – вижу, как мужчина приободряется на глазах. – Руки у тебя золотые, будешь учиться правильно гайки крутить. На первых порах подсобником, а там уж как сам себя проявишь. Только не дай Бог, Василий, ты меня подведешь, и из сервиса что-то пропадет! Я тебя с землей сравню!

– Дариночка Александровна, вы святая женщина!

А я начинаю громко смеяться. Вот и как их понять? То темная, то святая – точно дурдом, ей-богу.

Пишу ему адрес автосервиса, где работает моя подружка Анята Сторожилова, предупреждая, что завтра Василий должен явиться вовремя и трезвым, а после ухода мужчины звоню директору этого самого сервиса. Он мне кое-что должен, поэтому в просьбе не отказывает. Рассказываю ему всю правду про своего протеже, на что Михалыч (так все величают начальника автосервиса) только усмешается, обещая, что вправит Ваське мозги.

Настроение поднимается выше нормы – вот, что значит сделала доброе дело. Теперь осталось только отпроситься и свалить отсюда побыстрее.

Направляюсь в кабинет прокурора города, чтобы уладить все формальности.

– Только собирался тебя вызывать, – встречает меня Сергей Михайлович. – Полюбуйся, какую телегу на тебя накатала потерпевшая. Громова, вот не можешь ты без своих фокусов!

Беру в руки лист бумаги, пробегаю глазами ровные строчки, и смеюсь.

– Богиня Солнца у вас побывала, я так понимаю? – смотрю на мужчину, продолжая смеяться.

– И где их таких дур только делают?

– Не поверите, сама задавала подобный вопрос, – швыряю лист назад на стол. – Сто процентов секта какая-то.

– И ежу понятно, – прокурор рвет бумагу, выбрасывая клочки в мусорную корзину. – На экспертизу ее отправила? – смотрит мне в глаза.

– Да, – киваю в ответ. – Уверена, больше она сюда не придет.

– Начальнику райотдела позвонил, пусть этих сектантов потрясет, как следует. Достали уже со своим концом света.

– Вы же знаете, это бесполезно, – вздыхаю, в глубине души все же веря, что иногда случаются исключения.

– Но прореагировать как-то мы должны, – грозно отвечает прокурор. – А тебе за самодеятельность два новых дела. В понедельник заберешь.

– Сергей Васильевич, прекращайте, – начинаю канючить, делая невинное лицо. – Вы же знаете, как я люблю...

– И слышать ничего не хочу, – перебивает меня прокурор. – Кстати, что у тебя?

– Отпроситься хотела, – ворчу в ответ, так как настроение уже испортилось.

– Три дела, – тянет лыбу Василич, глядя на мое перекошенное от злости лицо. – И можешь быть свободна до понедельника.

– Премного благодарна, – делаю реверанс и, пылая гневом, выхожу из кабинета.

Ну и хрен с этими делами. В понедельник разберусь, а пока меня ждет незабываемый отдых со своей лучшей подружкой!

Глава 7

Пока заезжаю домой и собираю неспешно вещи, на улице темнеет. Катя звонит по телефону, спрашивая, где меня до сих пор черти носят, но я торжественно клянусь, что скоро буду.

Движение на проспектах оживленное, поэтому добираюсь до дома Вишневого не так быстро, как хотелось. Заезжаю во двор и паркуюсь недалеко от входа.

Праздничный обед уже готов и стоит на столе, martini разлит по бокалам, и мы с Катей и Светланой Петровной, которая является вроде как домработницей, но на самом деле давно уже член семьи, садимся отмечать последний день “холостяцкой” жизни моей лучшей подруги.

– Как же я рада, – Петровна вытирает слезы тыльной стороной ладони. – Катюша, ты там присматривай за ним, в этой Америке. А ты, – обращается ко мне, – в гости заезжай. В любое время, всегда рада буду видеть. Не бросай меня тут одну.

– Обязательно, – обнимаю женщину за плечи. – Обожаю вас, Светлана Петровна. Кстати, из меня сегодня темные силы пытались изгнать. Вроде как бес в меня вселился.

– В смысле? – Катя делает удивленные глаза, а я с подробностями пересказываю сегодняшние приключения.

Девочки смеются, периодически вставляя свои комментарии, особенно в том месте, где меня хотели сделать дочерью Солнца. Катя чуть под стол не падает со смеху, хватаясь за живот. А у меня при виде такой милой картины опять поднимается настроение.

– И я хочу посмеяться, – произносит мужской голос, и мы втроем поворачиваем головы ко входу в столовую, где стоит Артем Вишневский, прислонившись плечом к проему. Даже не слышали, как вошел. Тоже мне, конспиратор выискался.

– Привет, любимый, – Катя расплывается в улыбке при виде своего будущего супруга.

А тот подходит к ней и в виде приветствия целует нежно в губы. Мы с Петровной наблюдаем, подпирая рукой подбородки, при этом тяжело вздыхая и радуясь за нашу любимую парочку. Какие они счастливые, глаз не оторвать!

– Не помешаю? – Артем отрывается от Кати, переводя свой лукавый взгляд на нас с женщиной.

– И тебе здравствуй, – подкалываю парня. – Я, конечно, не такая красотка, как Миланская, но с твоей стороны наглость меня игнорировать.

– Дарина, дорогая, – улыбается Артем, глядя на меня. – Как ты могла такое подумать! Просто, – делает паузу.

– У тебя на роже написано все твое “просто”. Так и быть, прощаю. Но с тебя две партии в бильярд, – тычу в него пальцем.

– На желание, – Артем “подмигивает” мне бровями.

– Все твои тайные желания исполнит Миланская после свадьбы, – ухмыляюсь в ответ. – А то, что ты мне уготовил, у тебя тоже на роже написано большими буквами! Не буду я целоваться с твоим Балабановым. Кстати, а где он? Неужели пропустит нашу скромную вечеринку и откажется надо мной поиздеваться?

Катя смеется, прижимаясь головой к боку Артема, а тот, в свою очередь, нежно водит пальцами по ее щеке. Даже у такой черствой особы, как я, подобная картина не может не вызвать только радостные эмоции.

– У него дела, – отвечает Артем. – Но завтра с утра обещал быть, как штык.

У Миланской звонит телефон, и она, извинившись, выходит из столовой. Петровна вспоминает, что Артем голодный, и тоже убегает на кухню – как я понимаю, за чистыми тарелками.

– Вишневский, твою мать, – шепчу, поглядывая на входную арку. – Какая, нахрен, тамада с конкурсами? Детский сад какой-то! Не мог эту звезду уговорить просто расписаться? – смотрю на Артема строго. – И скромно в ресторане водки выпить.

– Знаешь, что, – фыркает в ответ парень. – Сама попробуй ее уговорить. Как баран уперлась, а мне что прикажешь делать? – разводит руками. – И так два раза ругались. Хочется ей конкурсы – будут ей конкурсы. Лишь бы не ворчала и не обижалась.

– Подкаблучник, – хмурю брови, глядя на Вишневого. – А я-то думала, что ты настоящий мужик.

– Своего будешь строить, – шипит Артем в ответ. – А мне скандалы в доме не нужны.

– Я все слышу! – кричит из коридора Катя, а мы с парнем одновременно усмехаемся. – Громова, прекращай моего мужчину терроризировать! Ему одной меня за глаза, тебя в качестве приложения он не вынесет.

– Ха-ха-ха, – передразниваю Катюху. – Больно надо. А Балабанова ты на кой черт ко мне отправил? – снова смотрю на Артема.

А он, гад такой, только ухмыляется в ответ. И за что мне, скажите на милость, такое наказание? Одни сводники кругом, никуда от них не денешься!

– Приходил все-таки, – опять эта наглая ухмылка на лице Вишневого. – Помирились?

– А то ты не знаешь, – так и хочется что-то съязвить, но сдерживаю свой порыв. – Хоть и пообещала вести себя завтра культурно, но, боюсь, этот упырь все-таки выведет меня из себя своими подколками.

– Точно, упырь, – домработница входит в столовую. – Я бы ему ремнем по заднице надавала. Это ж надо, бедную девочку, – гладит меня по голове после того, как ставит тарелку для Артема на стол, – всякими гадостями обзывал.

– В этом месте поподробнее, – поднимаю глаза на женщину.

– Петровна, – шипит Артем. – Стучать нехорошо.

– Нехорошо про Дарину глупости всякие говорить, – теперь уже фыркает домработница. – Один, главное, орет как резанный, а второй ему потекает, – заканчивает свою речь Петровна и выходит из столовой.

– Я... – Артем смотрит на меня невинными глазками, делая паузу.

– Ну, Вишневецкий! – беру бокал и допиваю остатки мартини залпом.

– Он уже свое получил, не переживай, – Катя входит в столовую, улыбаясь при виде нашей перепалки. – Но если ты обещаешь бить его не сильно, – обращается ко мне. – То разрешаю и побить – в качестве профилактических мер, так сказать. Даже помочь могу.

И целует Артема. Вот ведь предательница. А тот цветет и пахнет, как майская роза, посылая мне очередную ехидную улыбочку. И как можно с ними о чем-то серьезном договариваться?

Остаток вечера проходит в бильярдной, где я три раза выигрываю у Вишневого, два у Кати, и ни разу не проигрываю. Видимо, специально поддаются, чтобы я остыла окончательно.

Как-то неправильно действует на меня даже упоминание о Балабанове. Надо с этим что-то решать, а то как бы в историю какую не влезть с этим упырем.

Артем пытается уговорить Катю спать в их спальне, утверждая, что все эти традиции не более чем предрассудки в чистом виде, но моя подруга непреклонна. И мы с ней занимаем спальню напротив, которая раньше вроде как была Катина, а теперь отдана мне в личное распоряжение, когда я остаюсь ночевать в доме Вишневских.

Ложимся с Катюхой на кровать, выключаем свет и еще часа два вспоминаем детство, школу, институты и первую любовь. Давно это было, и все наши воспоминания останутся только между нами. Мальчишкам о них знать не стоит.

Слушаю подругу в пол-уха, думая, что день грядущий мне готовит. Балабанов, как назло, прочно сидит в голове, не давая думать ни о чем другом. И в памяти отчетливо всплывает, как три месяца назад мы заключали точно такое же перемирие, которое потом чуть не вышло мне боком.

Глава 8

Три месяца назад...

Практически середина августа, но еще стоит жара. Накануне мы собирали наш спорткар, который где-то раздобыла Анька. Любим мы быстрые тачки, никуда от этого не деться. Вот и согласились по субботам заниматься ремонтом нашего автомобиля, который купили за собственные, честно заработанные деньги. Я, конечно же, вложила меньше девочек, так как в отличие от них имею только официальную зарплату помощника прокурора.

Катя уже почти неделю живет в доме Артема, и в качестве наказания или просто чтобы позлить парня, а может, даже проверить на прочность, притащила его в автосервис. Еще и Анька отдала его мне в напарники. Прямо всю жизнь мечтала поработать в паре с кем-то из мажоров!

Вишне夫斯基 стойко выдержал все тяготы и лишения, а также мои командирские замашки, за что заработал лишние очки в моих глазах. А вечером пригласил нас в клуб отметить его новую карьеру автослесаря. Еще и по домам после развез, как единственный трезвый водитель, предложив на следующий день приехать к нему в гости.

И вот мы с девочками, что называется с бодуна, лежим в шезлонгах возле бассейна и сплетничаем о своем, о женском, перемывая кости мужикам. Больше всех, конечно же, достается Вишневному, но ему-то об этом знать не обязательно.

Светлана Петровна, милейшая женщина, зовет нас обедать, и мы втроем направляемся в дом. И тут меня ждет сюрприз в виде несносного негодяя.

– Какие люди, – слышу за спиной мужской голос, поставив ногу на первую ступеньку, и резко разворачиваюсь. – Дарина Александровна собственной персоной!

– Балабанов, твою мать, ты что здесь делаешь? – шиплю в ответ, и делаю два шага в сторону Артема и Пашки.

Последний стоит и скалится, как будто заняться больше нечем. И какого лешего его сюда принесло? Если бы я знала, что приедет Балабанов, в жизни бы не приперлась в дом Вишневого!

Настроение резко падает, и ничего не остается, как язвить этому наглецу в ответ. Несколько раз повторяю свою любимую фразу о том, что непременно посажу Пашку, но он только улыбается на мои колкие реплики. Вот же паразит!

Еще и на татушки мои так тонко намекает, что расскажет об этом каждому. Видимо, чтобы позлить меня. И постоянно подмигивает исключительно мне, хоть с Анькой он, как оказывается, знаком давно, а Катю ему любезно представил Артем.

– Не знал, что у строгой прокурорши есть маленькие тайны, – ухмыляется Балабанов.

– Ты о чем? – я хмурюсь, но после следующей фразы начинаю постепенно выходить из себя.

– Дашь почитать, – продолжает Балабанов, – что там у тебя на спине и на боку написано? Обожаю баб с татушками. А у тебя их целых две!

– Три, – тихо произносит Аня, за что получает испепеляющий взгляд от Кати и стон от меня.

– Балаболка! – произносим с Миланской одновременно, а Анечка в ответ краснеет, пряча свои бесстыжие глаза.

– Третью покажешь? – Пашка поднимает одну бровь вверх.

– Ты бы такой словоохотливый у меня в кабинете был, – уже заводжусь не на шутку. – А то там слова не вытянешь, один адвокат вечно распинается. А тут, я смотрю, смелым стал, прямо заслушалась. Еще не весь свой словарный запас истратил?

– Катюха, – говорит спокойно Паша, правда, продолжая пристально смотреть мне в глаза, – сможешь статью в Интернете разместить о маленьких шалостях лучшей помощницы прокурора?

Но тут влезает в нашу “милую” беседу Петровна, раздавая Пашке легкие подзатыльники, чем вызывает у нас смех, и мы с девочками отправляемся наверх.

– Я его когда-нибудь точно прибью, – шиплю, когда мы втроем заходим в комнату на втором этаже. – Или придушу. Катя, только без обид, – тычу пальцем в девушку. – Я не выдержу весь оставшийся день, видя перед собой наглую рожу Балабанова. Лучше домой поеду.

– Дарин, ну ты чего, – канючит Анька, но под моим испепеляющим взглядом замолкает.

– А ты вообще молчи, предательница, – грозно произношу, после чего подружка начинает краснеть. – Ничего тебе доверить нельзя.

– Дарин, ты бы, правда, не горячилась, – произносит спокойно Миланская. – Не такой уж он плохой, – делает паузу, но, видя мой грозный взгляд, тяжело вздыхает и заканчивает: – Хоть на обед останься.

Мы спускаемся вниз, и я наблюдаю, что у Артема улыбка на все тридцать два зуба, а у Пашки, наоборот, вид какой-то пришибленный. Смотрит на меня, как побитая собака, чем вызывает недоумение. Что тут успел ему Вишневский наболтать?

Начало обеда проходит в довольно спокойной атмосфере, но Балабанов никак не хочет и дальше сохранять тишину. И снова меня провоцирует на колкости.

– Помолчи, ради Бога, – поднимаю на него глаза и кривлюсь после очередной его ехидной реплики. – И так тошно, еще и ты перед глазами маячишь.

– Дарина, милая, – произносит Павел елейным голосом. Девочки прыскают от смеха, а Вишневский пытается подавить улыбку, но это получается с трудом. – Завязывай на меня дуться. Я же просто пошутил.

– Так я тоже пошучу, – складываю руки на груди и смотрю на Пашку. – Сейчас влеплю тебе статью за оскорбление чести и достоинства, будешь знать. У меня куча свидетелей, Балабанов. Ты не думай, что раз Катюха сейчас живет с Артемом, то меня не поддержит, потому что он твой друг.

Еще и Петровна входит в столовую, принимая мою сторону. А я ей предлагаю прийти ко мне в прокуратуру, если вдруг решит написать заявление на этого хама. Вроде как шутка, но Балабанов хмурится, а потом и вовсе выходит из столовой.

Иногда меня несет, не спорю. И сейчас я, кажется, перегнула немного. Но он меня бесит, хоть вроде как и извинился за свои колкости и непонятные намеки.

Встаю со своего места через пару минут, когда девочки уходят помогать Петровне с посудой.

– Пойду мириться, а то надулся, как индюк, – смотрю на Артема и тяжело вздыхаю. – Обещаю сильно не бить, – усмехаюсь напоследок и выхожу из столовой, направляясь на улицу, где курит Балабанов.

Желание ехать домой пропадает, и я решаю все же поговорить с Павлом, чтобы он перестал дуться, а также дальше не портил мне и окружающим настроение. И я в ответ что-нибудь не ляпнула, а то могу в порыве гнева столько наговорить лишнего, что самой потом становится стыдно.

– Сигаретой не угостишь? – начинаю первой, после того как Пашка сначала переводит на меня взгляд, наблюдая, как я останавливаюсь рядом, а после отворачивается.

Лезет в карман брюк, достает оттуда пачку с зажигалкой и протягивает мне. Подкуриваю сигарету, после чего легонько бью его в плечо, чтобы обратил на меня внимание.

– Это можно расценить, как легкие телесные? – поднимает обе брови вверх, а на лице играет ехидная ухмылка.

– Это можно расценить, как извинение. Согласна, перегнула немного палку, – делаю невинные глаза. – Но ты сам меня спровоцировал.

– Больно надо, – фыркает Павел в ответ, убирая пачку с зажигалкой в карман.

– Завязывай, Балабанов, портить мне отдых. Я понимаю, что тебе не нравлюсь. Но давай как-нибудь сами разберемся, – смотрим друг дугу в глаза. – Без посторонних. Мир?

И я протягиваю ему руку, не прерывая зрительного контакта. Несколько секунд продолжается эта игра взглядов, после чего Пашка пожимает мою руку своей широкой ладонью.

– Перемирие, – бурчит себе под нос.

– Но только на сегодняшний день, – удерживаю его руку в своей, а он начинает смеяться.

Все-таки он забавный парень, с таким точно не соскучишься. То язвит, то строит глазки – и как можно понять или предугадать его дальнейшие шаги?

Пашка кладет свою руку по-хозяйски мне на плечи и ведет в дом. Вообще-то не так я себе представляла наше временное перемирие, но рушить хрупкое взаимопонимание не буду.

После обеда возвращаемся к бассейну. Остаток времени проходит в веселье. Пашка пристает, чтобы дала почитать ему надписи под лопаткой и на боку. Ведет себя идеально, вызывая у меня постоянно улыбку на лице. Как мальчишка, честное слово!

Но когда я переворачиваюсь на живот, чтобы Балабанову было удобнее читать, дотрагивается пальцами до надписи. А меня бьет током. На пару секунд зажмуриваю глаза, чтобы никто не заметил моей столь бурной реакции.

А Пашка, как назло, еще и проводит пальцами по спине. Да что ж за наказание такое!

Слава Богу, больше не дотрагивается, но кожу до сих пор жжет от его прикосновений.

Ближе к вечеру перебираемся в дом, играем в бильярд, общаемся, подшучиваем друг над другом, в целом всё проходит без эксцессов.

Девять вечера, и нам с Анькой пора домой. Балабанов вызывает нас подвезти и даже слышать ничего не хочет о такси. Приходится согласиться, потому что сил сопротивляться нет, и ноги подкашиваются от усталости. Правильно говорят, что от отдыха устаешь даже больше, чем от работы.

Первой отвозим Анну, а уже после – до моего дома, паркуясь прямо возле подъезда.

– Спасибо, – произношу, глядя на Пашку, а он в этот момент поворачивается ко мне лицом.

Наши взгляды встречаются. И я не могу отвести от него глаз, как будто какая-то неведомая сила не отпускает. Секундная стрелка движется со скоростью света, а у меня в голове пульсирует кровь.

Да что со мной происходит?

Пашка резко наклоняется ко мне, обнимая за голову, и целует в губы. Его язык проникает вовнутрь, находя мой, сплетаясь с ним в бешеном танце. Чувствую, как щеки начинают гореть. И не хватает воздуха. А я сама сижу и даже не шевелюсь, закрыв глаза и наслаждаясь поцелуем.

Парень отрывается первым, садясь ровно в своем кресле. Дышит тяжело, глядя перед собой, после чего проводит рукой по волосам и лицу.

– И что это было? – прихожу в себя от подобной сцены.

– Не сдержался, – снова поворачивается ко мне. – Полдня мечтал об этом. Особенно, – снова приближает свое лицо к моему очень близко, – когда задом своим виляла в бильярдной прямо перед моим носом.

– Еще скажи, что я тебе соблазняла, – усмехаюсь с горечью в голосе, так как только Балабанов может испортить своими шуточками столь интимную сцену.

А я-то, дура, чуть не повелась.

– Хочешь сказать, я не прав? – поднимает одну бровь.

– Хочу сказать, иди ты в задницу, – выпаливаю, открываю дверь и выхожу на улицу.

Едва делаю шаг в сторону и захопываю дверцу, как BMW X6 черного цвета срывается с места и через несколько секунд исчезает вместе с Пашкой за углом соседнего дома. А я пристраиваю свою пятую точку на скамью возле подъезда, пытаюсь привести мысли и чувства в порядок. Наваждение какое-то, честное слово. Не могу я столь бурно реагировать на прикосновения и поцелуи Балабанова! Это неправильно. Но стоит признаться самой себе – мне это нравится.

А через пару недель, когда Балабанов приходит на очередную встречу со мной, я жалею о том, что поддаюсь на его чары, заключив перемирие, а также ответила на поцелуй...

Глава 9

* * *

Сама не понимаю, как засыпаю после нашего девичника и всех мыслей, а на утро начинается очередной дурдом под названием “свадебная суматоха”.

Просыпаемся в семь утра с первым же звонком будильника. Наверное, напряжение и волнение играют свою роль, потому что чувствую себя великолепно даже при столь раннем подъеме. И готова к новым свершениям, а ещё хорошо повеселиться сегодня, раз душа требует чего-то нового.

Душ, утренние процедуры, кофе, который приносит прямо в комнату Петровна, чтобы мы не тратили время на беготню по лестнице, и даже одна выкуренная сигарета – Миланская любезно разрешает мне вдохнуть никотина прямо на балконе, не выходя из дома. После чего жизнь начинает играть еще более насыщенными красками.

Первыми прибывают две визажистки, которые больше часа колдуют над нашим макияжем. Приезжает Аня и садится в кресло после меня. А я за дверью слышу какие-то голоса, причём их тональность растёт в геометрической прогрессии.

– Хоть одним глазком дай взглянуть! – раздаётся звонкий голос Вишневого.

– Нельзя тебе туда, – вопит в ответ Петровна. – Придет время, сам все увидишь.

– И я хочу, – слышу второй мужской голос и замираю на месте.

Балабанов. Как и обещал, прибыл с самого утра. Но вместо того, чтобы фыркать и возмущаться, я продолжаю стоять на месте, а сердце бешено колотится в груди. Да что ж за напасть такая! Почему так неадекватно реагирую даже на голос Балабанова? Боюсь даже представить, какотреагирую, когда увижу его физиономию.

– И тебе туда нельзя, – Петровна, как я понимаю, входит в азарт. – Сейчас по шее получите, – улыбаюсь, представляя картину, которая разворачивается за дверью. – Оба!

– Петровна, я тебя точно уволю, – кричит Вишневский. – Паша, ты за правую руку, я за левую!

– Идет, – довольный голос Балабанова. – Петровна, любовь всей моей жизни...

– Помогите! – раздаётся женский крик.

Поворачиваюсь к девочкам лицом и наблюдаю, как они дружно прыскают от смеха, включая двух визажисток. Сама улыбаюсь вместе с ними, понимая, что если сейчас не прийти на помощь к женщине за дверью, то эти два оболтуса точно ворвутся в комнату. И испортят Кате настроение.

Тяжело вздыхаю от мысли, что именно мне предстоит спасти домработницу, которая продолжает грозно кричать в коридоре, называя этих двух красавцев различными нелюбезными словами. Мой “упырь” на фоне ее ругательств звучит как комплимент.

– Угомони их, Дарина, – усмехается Катя. – И скажи моему новоиспеченному будущему муженьку, что если он сейчас не утихомирится, то развод наступит раньше женитьбы.

– Есть, товарищ командир! – козыряю, разворачиваюсь и направляюсь к выходу.

Протискиваюсь в едва приоткрытую дверь и сразу же плотно закрываю, прислоняясь к ней спиной. Артем с Пашей тянут за руки Петровну вниз, уже подобравшись к первой ступеньке, но женщина брыкается и пытается сопротивляться.

– Воспитала на свою голову, – кричит возмущенным голосом. – Неблагодарные балбесы. Ремень по вам плачет.

– Петровна, сейчас в кладовке закрою, – смеется в ответ Артем. – Чтобы не обзывалась.

– А я тебя посажу за хулиганство на пятнадцать суток, – прерываю их жаркие дискуссии. Все трое останавливаются и резко поворачиваются в мою сторону. – И вдобавок припяю еще парочку статей, так сказать в профилактических целях, чтобы неповадно было женщинам угрожать.

– Вот-вот, – Петровна вырывает обе руки из мужского захвата, пользуясь тем, что жених со свидетелем стоят с круглыми глазами и смотрят на меня. – Даже не думай, – грозит пальцем сначала перед лицом Артема, затем перед удивленной физиономией Балабанова.

Подходит ко мне, улыбаясь, после чего быстренько прошмыгивает в комнату.

– Чего уставились? – нарушаю я временную тишину, а то эти двое начинают меня пугать своим ошарашенным видом.

Такое чувство, что привидение увидели. Я, конечно, девушка симпатичная, но не до такой же степени, чтобы мужики теряли не только дар речи, но и способность двигаться при виде моей внешности.

– Я один это вижу? – Балабанов переводит взгляд на Вишневого, а тот в свою очередь поворачивает голову в сторону своего друга.

– Тяжело тебе придется сегодня, Паша, – тяжело вздыхает Артем.

– Вы о чем? – не совсем понимаю их реакцию на мое появление.

– Дарина, – свидетель расплывается в улыбке, направляясь медленно в мою сторону. – Как же я счастлив тебя видеть, радость моя! В комнатупустишь?

– Нет, – прижимаюсь сильнее спиной к двери. Вишневский плетется следом и ехидно скалится.

Да что смешного они увидели? Я же смотрела на себя в зеркало – очень красивый макияж, идеально подходит под мои темные волосы, голубые глаза, и даже ненавистное красное платье. Тогда в чем дело?

– Дариночка, золотце ты мое, – Балабанов приближается, а Артем, взглянув на Пашку, после чего подмигивая мне, стоит и наблюдает за происходящим. И продолжает ехидно улыбаться, чтоб ему пусто было!

– Не пуцу, сказала, – расставляю руки по сторонам, еще сильнее прижимаясь к двери и грозно глядя на Павла.

А он... зажмуривается, тяжело вздыхает, после чего произносит:

– Боже, дай мне силы на сегодняшний день!

И резко открывает глаза.

Вишневский закатывается смехом, хлопая друга по плечу, а я слежу за взглядом Пашки, понимая, что смотрит он не в мои глаза. А куда-то ниже.

Опускаю взгляд, и протяжный стон вырывается у меня из груди.

– Ну, Балабанов! – шиплю в ответ.

Я и забыла, что на мне надет короткий шелковый халатик, который одолжила Миланская, а под ним мой любимый голубой бюстгальтер. Его я надеваю исключительно под форменную рубашку. И сейчас второпях нацепила, так как новый комплект нижнего белья пока лежит рядом с платьем.

Верхняя часть халата разошлась в стороны, открыв на всеобщее обозрение мою полууголую грудь. Теперь мне становятся понятны и слова Вишневого о том, что его другу придется сегодня несладко, и наглый напор Балабанова, которой хотел, чтобы я расставила руки и полы халаты разошлись.

– Я готов заключать с тобой перемирие каждый день, если ты будешь меня встречать по утрам в таком виде, – смеется Пашка, отрываясь от лицезрения моей груди.

– Идиот, – запахиваю халат сильнее и грозно смотрю на двух красавцев, у которых на устах играет мальчишеская улыбка. Как дети малые, честное слово!

– А в платье есть декольте? – продолжает издеваться надо мной Балабанов.

– Переодеваться иди, – грозно командую, указывая пальцем на противоположную дверь. – А то Миланская уже грозитя разводом из-за вашего дурацкого поведения.

– Скажи ей, мы больше не будем, – смеется Артем и тянет Пашку к себе в комнату.

– Темыч, моя нервная система на пределе, – стонет Павел, заходя в спальню первым. – Ты это видел? Я же не выдержу, – последнее, что я слышу, так как жених закрывает дверь.

Интересно, что он не выдержит? Усмехаюсь, вспоминая реакцию Пашки. Какой же он все-таки несерьезный и взбалмошный! Но безумно сексуальный даже в простых джинсах и белой рубашке с расстегнутыми верхними пуговицами.

Господи, о чем я думаю?

Трясу головой, прогоняя непрошенные мысли, и захожу в комнату, куда через пять минут начинают прибывать парикмахеры, фотографы и видеооператор.

Девочкам делают прически, а мне – укладку, так как категорически отказываюсь от собранных кудрей, которые сделают меня визуально еще выше. Даже Петровну усаживаем в кресло, хоть она и сопротивляется, и специалисты тут же начинают колдовать над ее внешностью, не слушая никаких возражений.

Пока Катины волосы продолжают собирать в замысловатую прическу, мы с Анютой берем свои наряды и удаляемся в ванную. Подружка помогает мне застегнуть платье, так как смой это сделать нереально, и я первой подхожу к зеркалу, рассматривая себя.

– Какая ты сегодня красивая, – Анечка улыбается, пристраиваясь сбоку и обнимая меня за плечи. – Утри нос всем сплетницам на сегодняшней свадьбе!

– Ты и сама великолепно выглядишь, – смотрю на девушку сверху вниз.

В темно-зеленом длинном платье Анечка такая милая, что Сторожилову придется разгонять поклонников метлой, если не лопатой. Мажоры у нас очень наглые, даже не посмотрят на обручальное кольцо.

– Спасибо, – Аня краснеет.

– Кстати, подарок где?

– Антон принесет чуть позже.

– Хочу вручить его лично Катюхе, пока мы одни, – улыбаюсь, и мы покидаем ванную.

Разгоняем лишний народ из комнаты, так как по традиции подружки должны помочь невесте надеть платье. Конечно же, я видела Миланскую позавчера в салоне Оли Сазоновой, но сейчас, с макияжем и прической, моя лучшая подруга выглядит просто божественно. Как настоящая принцесса!

Аня звонит Антону и просит его подняться. Фотосессия девушек закончилась, и оператор вместе с фотографами отправляется в комнату мальчиков. Надо же и их запечатлеть на долгую и вечную.

Сторожилов осторожно входит в комнату и замирает на месте, открыв рот. Катюха приседает в реверансе, а Анька усмехается. Сегодня все мужики такие шокированные, или найдется парочка, которая адекватно отреагирует на нашу красоту?

– Катюш, у меня нет слов, – произносит Антон. – Королева!

– А как же Анька? – не могу не вставить свои пять копеек. – Императрица?

– Хорош язвить, – подружка подходит к своему мужу и берет его под руку. – На Балабанове своем будешь упражняться.

– Он не мой, – бурчу в ответ.

– Ага, видела я, какая ты возбужденная вошла в комнату, – смеется Анька, а следом за ней и Катюха. – И слышала прекрасно, какие он в коридоре тебе комплименты отпускал.

– Мартынова! – вырывается у меня довольно громко.

– Сторожилова, – поправляет меня Антон. – Катюш, – улыбается парень. – Не было бы Анюты, отбил бы у Темыча.

– Спасибо, – наша невеста расцветает на глазах.

А я подхожу к семейной паре, забираю у Антона длинную коробочку, запакованную в подарочную обертку, и поворачиваюсь к невесте лицом.

– Наша любимая Катюша, – начинаю и чувствую, как после столь невинной фразы слезы подступают к горлу. – Не хочу, чтобы все его видели, поэтому мы подарим тебе наш подарок здесь. Тебе лично. Знаю, что ты давно об этом мечтала, и Артем не в курсе, а то бы опередил. Ты у нас крутая журналистка, и в Штатах будешь брать интервью у миллионеров, поэтому надо поддерживать имидж.

– Ну, зачем вы... – на глазах Катюхи появляются слезы, но Анька ее перебивает:

– Потому что мы тебя любим.

– Девочки, спасибо, – невеста приподнимает широкую юбку и направляется к нам.

Обнимаемся втроем, стоя так несколько секунд, после чего Миланская целует нас по очереди, включая Сторожилова, а тот сует ей в руки букет роз.

– Это потом, – Анька опускает его руку с цветами. – После росписи.

А я протягиваю коробок, в котором лежит дорогая ручка Паркер. Антон специально заказывал оригинал за границей, но я принимала непосредственное финансовое участие, хоть и уверена, что парень специально назвал мне цену ниже, чем есть на самом деле. И даже предлагал оплатить подарок сам, на что получил мой грозный и испепеляющий взгляд.

Я знаю, что Катюха о такой ручке всегда мечтала, считая это престижным. И в этот день мне хотелось сделать подарок именно ей лично, потому что все остальное, уверена, ей обеспечит ее будущий муж.

Чета Сторожиловых первыми покидает комнату, а к нам возвращается один из фотографов, давая последние указания, в каких позах замирать на лестнице, потому что снимать будут с двух ракурсов одновременно.

В последний раз обнимаю Катю и выхожу в коридор. Перед ступеньками набираю побольше воздуха и делаю первый шаг вниз.

Через три ступеньки замираю на месте, держась за перила, как и просил фотограф. Слышу вспышки камер рядом, пару раз верчу головой, принимая сексуальные на мой взгляд позы и улыбаюсь.

Спускаюсь еще на парочку пролетов, и снова позирую. Мне вдруг так нравится крутиться перед объективами, что в голову закрадывается мысль, а ту ли профессию я выбрала? Надо было в модели идти, сейчас бы бабки неплохие заколачивала.

Внизу стоит толпа народа, перешептываясь между собой, но мой взгляд почему-то задерживается только на одном мужчине. В безупречно синем костюме, белой рубашке и бабочке.

Он стоит и не сводит с меня глаз, держа в руках небольшой, красиво упакованный букет из белых и розовых розочек. Слава Богу, хоть не бордовые. Но сегодня, так и быть, прощу ему маленькую оплошность.

Вишневы толкает Пашку локтем в бок, и парень отмирает, направляясь ко мне.

Останавливается на ступеньке ниже, протягивая букет.

– Спасибо, – беру цветы в руку под щелчки фотокамер.

– Замите, – слышу рядом голос фотографа.

И мы не двигаемся. Только пристально смотрим друг другу в глаза...

Глава 10

– Ты сегодня затмишь всех на этом празднике, – произносит Пашка негромко, протягивая мне руку.

– Балабанов, ты не умеешь льстить, – посылаю ему ехидную улыбочку, вкладывая в широкую мужскую ладонь свою.

– Дарина, – Паша наклоняется к моему лицу. – Я, может, и взбалмошный, местами даже не сдержанный и нагловатый, но я не слепой.

Его лицо так близко, что у меня перехватывает дыхание и от его близости, и от его немного хрипловатого голоса.

– Комплимент принимается, – чувствую, как во рту пересыхает. И совсем тихо: – Спасибо.

– Не за что, – усмехается Паша, выпрямляется, держа меня за руку и помогая сойти вниз. А после снова раздаются щелчки фотокамер и толпа начинает оживать.

На лестнице появляется Екатерина. Не зря ее назвали, как королеву. Она действительно очень и очень красива.

Смотрю на Артема, который как столб замер на месте. Да что за день сегодня такой, одни “статуи” кругом! Причем исключительно мужского пола.

Пару минут зависания, и теперь уже я толкаю обалдевшего жениха в бок, после чего парень устремляется навстречу своей будущей жене. А Светлана Петровна вытирает слезы радости. Как и стоящая рядом с ней Анька. Какие все кругом сентиментальные!

Чувствую, как крепкая рука обвивается вокруг моей талии, прижимая меня спиной к груди. Это еще что за новости? Но сопротивляться не хочу. Даже если кто-то увидит и потом будет меня этим подкалывать. У меня сегодня перемирие. И, как сказал пять минут назад Балабанов, я тоже не слепая.

Фотосессия заканчивается, и все приглашенные начинают выдвигаться на улицу.

Мы выходим последними, но самые первые садимся в машину. Шикарный белый лимузин везет нас по заснеженным улицам в Центральный Дворец Бракосочетания.

Стандартная процедура, и вот на безымянном пальце у моей подруги обручальное кольцо. Конечно же, я очень рада, но и какая-то грустинка нападает на меня, вызывая слезы. То ли радости, то ли осознание того, что мы выросли, и у каждой теперь своя жизнь.

Балабанов ведет себя идеально, постоянно находясь рядом, и даже отпускает парочку комплиментов. Видимо, хочет меня вогнать в краску, но получает в ответ только улыбку и стандартное “Спасибо”.

А дальше... Очередная фотосессия, ресторан, шампанское, куча смеха, поздравлений и объятий.

Хоть я и не люблю шумные мероприятия, особенно тамаду с ее дурацкими конкурсами, но стоит признаться – очень весело. Даже прощаю Катюхе ее настойчивость, наслаждаясь участием в очередном представлении, и не сопротивляюсь, когда у невесты воруют туфельку.

Мы с Балабановым справляемся со своими ролями на ура, под крики шумной толпы и нескончаемого смеха. Стоит признаться, парень в отличной физической форме – отжался десять раз, и даже глазом не моргнул. А я лежала под ним. И он замирал каждый раз, удерживаясь на руках, чтобы меня поцеловать. Кстати, целуется он тоже классно, хоть я и грозилась этого не делать.

И даже мне понравился этот конкурс. Особенно развеселило, когда Пашка выдает:

– Я могу еще раз двадцать отжаться!

Легонько бью его в грудь, чтобы уgomонился, после чего он помогает встать мне, галантно протягивая руку. При этом заглядывая в мое декольте, за что получает от меня предупреждающий взгляд.

Три раза танцуем с Балабановым медленные танцы. На танцполе приглушают свет, создавая уютную и довольно интимную атмосферу. Чувствую, что от близости парня нечем дышать. А в голове уже начинает загораться красная лампочка...

– Внимание, дамы и господа, – вещает в очередной раз тамада. – У нас ЧП.

– Что случилось? – слышится со всех сторон.

– Пропала невеста, – кричит женщина в микрофон.

Понимаю, что так и не дадут спокойно поесть и допить шампанское, вызвав снова на очередной конкурс. Хоть и весело, но очень утомительно.

Вздыхаю, вновь поднимаясь с места и направляясь в сторону танцпола следом за Пашкой. Который тоже, кстати, не успевает доесть горячее и выпить еще одну рюмку коньяка.

На этот раз фантазия у тамады зашкаливает. Съесть лимоны, передавая их губами друг другу – это еще куда ни шло. Но вот станцевать стриптиз, представив на месте шеста Балабанова, который усмехается и поднимает руки вверх, как того требуют правила, это уже перебор.

Начинает играть музыка, и толпа заводится, выкрикивая всякие непристойные словечки, в которых чувствуется эротический подтекст.

И куда деваться мне, скажите на милость?

Ладно, уважаемые, хотите стриптиз – будет вам стриптиз! И этот красавец тоже хорош, согласился, даже не сопротивляясь. Сейчас ты у меня попляшешь, дорогой.

Я так захожу в азарт, что с трудом вспоминаю, с какой стороны я только не закидывала ногу, чтобы обвить ею бедра Балабанова, задирая юбку на платье. А также терлась своей пятой точкой, приседая практически до пола, и медленно вставая на ноги.

Увлекаюсь прикосновениями к стальным мышцам, которые чувствуются даже сквозь рубашку, так что не замечаю, как мужские руки уже лежат на моей талии, прижимая спиной к напряженному торсу. Держат крепко, не давая возможности отстраниться.

– Даже не думай, – жаркое дыхание опалает мне кожу возле виска.

Набираю в грудь побольше воздуха, чтобы возразить, как тут выдает тамада:

– И напоследок...

– Медленный танец, – громко перебивает Пашка женщину.

– Тогда все приглашаются на танцпол. Так сказать, коллективный выкуп невесты.

Звучит медленная композиция, и Паша разворачивает меня к себе лицом. Чувствую, как мои щеки горят, а дыхание становится прерывистым. Господи, да что со мной такое происходит?

Балабанов так крепко держит меня в объятиях, что нет никакой возможности вырваться. Выйти на улицу и привести свои мысли и чувства в порядок.

Его лицо приближается к моему, и даже в полумраке вижу, как у парня горят глаза.

– Даже не думай, – шепотом повторяю фразу, которую он недавно произнес, а парень в ответ запускает руку в мои волосы.

– Дарина, – произносит негромко, приближая свое лицо к моему еще больше.

Отворачиваю немного голову в сторону, и чувствую прикосновение горячих губ к виску. Пашка усмехается, и в следующую секунду кусает за мочку уха, а у меня из груди вырывается стон.

Это неправильно!

Так не должно быть!

Только не он!

А в голове полным ходом звенят колокола, и ярко-красным цветом мигает лампочка, предупреждая о том, что надо остановиться...

Глава 11

Паша немного надавливает рукой на талию, заставляя таким образом двигаться в сторону от публики. Туда, где нас не увидят. Он точно обладает гипнозом, потому что я передвигаю ноги за ним следом, даже не задумываясь о последствиях. А танцующим, кажется, нет до нас никакого дела.

Скрываемся за выступом стены, и парень резко прижимает меня к ней спиной, жадно впиваясь в губы. Обвиваю в ответ руками его шею, не давая возможности капитулировать ни ему, ни себе. Нога так и тянется подняться вверх и обвить парня за бедра, как делала это несколько минут назад, но длинная юбка не позволяет воплотить мои желания в реальность.

Руки парня жадно блуждают по моему телу, покрытому плотной тканью, но даже сквозь нее меня бьет током от каждого прикосновения.

Балабанов отрывается, тяжело дыша, усмехается, берет за руку и тянет в коридор. Двигаюсь на автомате, не замечая тревожных сигналов в моей голове. Я же могу в любой момент остановиться, так зачем мне сейчас лишать себя удовольствия от поцелуев с Пашкой? Тем более, это так приятно и возбуждающе, что сил для сопротивления не остается.

Деревянная дверь, которую парень резко открывает, затягивая меня следом, темный кабинет, звук закрываемого замка – и снова Пашкины жадные губы, руки на моем теле, и тихое “Дарина”, отдающееся эхом в голове.

Он наступает, заставляя делать шаги назад. Секунда, две, три... Упираюсь пятой точкой в столешницу, чуть не упав. Но руки парня ловят, не давая мне возможности испариться или сбежать. Мгновение, и Паша отрывает меня от земли, усаживая на стол. Одной рукой резко скидывает со стола все бумаги, другой придерживая меня за спину.

Останавливается на мгновение, глядя прямо в глаза. И я отвечаю тем же, не имея ни сил, ни желания отвести взгляд.

Даже в темном кабинете, при луче света уличного фонаря, пробивающегося в окно, вижу, как горят глаза у парня, а на скулах ходят желваки. Он нервничает, но дает мне возможность самой решить, что делать дальше. И если я сейчас скажу твердое “нет”, уверена, он отступит, списав все на перенапряжение сегодняшнего дня.

Мысли хаотично бегают в моей голове, не давая возможности сосредоточиться. Красная лампочка даже не мигает, а просто ярко горит, но сердце колотится в груди, и руки сами тянутся вперед. Секунда, и Пашка снова припадает губами к моим, проникая языком вовнутрь, находя мой и сплетаясь с ним в бешеном ритме.

Рука парня тянет замок на платье вниз, после чего опускает корсет. Быстро справляется с застежкой бюстгалтера, отбрасывая его на стол. Прохладный воздух касается кожи, но через пару секунд я снова начинаю пылать. Руки парня с жадностью, и в то же самое время с какой-то невероятной нежностью касаются моей груди, вызывая стон и заставляя погнуться в спине.

Губы спускаются к ключице, опускаясь все ниже и ниже. Грудь, плоский живот, плавное движение пальцев по боку, где татуировка – запомнил же, этот несносный Пашка! Откидываюсь назад, опираясь руками в стол, чтобы парню было удобно исследовать мое тело.

Закрываю глаза, наслаждаясь его прикосновениями. Горю, как в пожаре, не чувствуя прохладного воздуха в кабинете. А в груди бушует пламя, которое, мне кажется, уже не потушить.

Паша резко сдергивает меня со стола, ставя на ноги, смотрит в глаза, а рукой тянет платье вниз. До конца. Красная ткань падает на пол, обвивая мои ноги. Секунда, и парень снова приподнимает меня над землей, заставляя снова сесть на прохладную поверхность стола. При этом Паша виртуозно снимает мои бикини, отбрасывая их в сторону.

А я уже не сдерживаю своих порывов, расстегивая пуговицы на его рубашке, и резким движением снимаю ее, бросая на пол.

Мои руки сами тянутся к чулкам, но парень останавливает меня, и наши пальцы переплетаются.

– Оставь, – произносит хриплым голосом.

Проводит пальцами свободной руки по краю резинки, глядя кожу на внутренней стороне бедра. Дрожь, стоны и море удовольствия захватывают меня в свой плен.

Щелчок расстегнутой пряжки на ремне, шорох одежды, звук рвущейся фольги, и через пару секунд он пододвигает меня к краю стола и медленно входит, заполняя собой целиком. А я обвиваю его ногами за бедра, притягивая к себе еще ближе. Сама не ожидала от себя подобной прыти, но жадно ловлю его движения и не хочу отпустить.

Подстраиваюсь под его темп, наслаждаясь властью парня надо мной. Понимаю, что это ненадолго, но как же приятно ему принадлежать! Пусть всего раз, одно мгновение, но именно здесь и только сейчас – он мой!

Парень рычит, ускоряя темп, кусает кожу на плече, жадно впиваясь зубами и губами, доставляя мне неопишное удовольствие. И я уже не сдерживаю ни стонов, ни негромких криков, чувствуя, что совсем скоро наступит разрядка.

В глазах мутнеет, голова отказывается трезво мыслить, и я первой добираюсь до пика наслаждения, впиваясь ногтями в спину Паши. Несколько резких толчков, и он присоединяется ко мне. Обнимает за талию, притягивая к себе ближе, касается губами виска и произносит полусшепотом:

– Это было крышесносно!

Несколько долгих секунд перевариваю сказанную им фразу, после чего постепенно начинаю приходить в себя, понимая, что сотворила самую большую в своей жизни глупость.

И последствия от моего сегодняшнего поведения придется расхлебывать долго и мучительно, не имея возможности все исправить.

– Отпусти, – произношу довольно громко, упираясь кулачками в грудь парня, пытаюсь его оттолкнуть.

– Дарина, – стонет он.

– Отпусти, сказала! – повторяю строго, и Паша отступает на шаг назад.

А я начинаю дрожать то ли от холода, то ли от нервного перенапряжения. Кожа покрывается мурашками, и я обхватываю себя руками, наблюдая, как парень натягивает боксеры с брюками, поднимает с пола рубашку и надевает ее, застегивая пуговицы.

Сползаю со стола, пытаюсь удержаться на подкашивающихся ногах. Я сильная! Я со всем справлюсь и не позволю никому меня унижать!

На столе нахожу свои бикини и бюстгальтер. Даже не могу поднять глаза, чтобы посмотреть на Балабанова.

С нижним бельем справляюсь самостоятельно, а вот змейка на платье никак не хочет застегиваться.

– Твою мать! – произношу громко, ломая ноготь.

– Давай помогу, – боковым зрением вижу мужской силуэт, который приближается ко мне.

– Не подходи! – как-то уж слишком резко у меня это получается.

– Да что за черт!

Балабанов тоже повышает голос, пересекает комнату и включает свет. Стою к нему спиной, но слышу шаги, которые снова начинают приближаться ко мне. Но упорно дальше пытаюсь самостоятельно справиться с ненавистной змейкой и чертыхаюсь, когда в очередной раз у меня ничего не получается.

Чувствую, как Пашка резко убирает мои пальцы, сводя две части платья вместе и поднимая собачку вверх.

– Балабанов, – шиплю, пытаюсь повернуться к нему лицом.

– Да не вертись ты! – тоже мне, командир выискался.

Убирает мои волосы в сторону, застегивая молнию до конца.

Я медленно поворачиваюсь и смотрю прямо в его глаза. Не знаю, что сказать, так как весь словарный запас истощился. В глубине души понимаю, что и сама виновата в случившемся не меньше, чем Пашка, но никогда в этом не признаюсь. Только не сейчас.

– Уйди, Балабанов, – произношу чуть ли не по слогам, закрывая глаза и тяжело дыша. – И так тошно, еще и ты мелькаешь туда-сюда.

– Завязывала бы ты с самобичеванием.

– Ты хоть понимаешь, чем это может мне обернуться? – резко открываю глаза.

Павел стоит, не шевелясь, на скулах играют желваки, а руки в карманах – нервничает.

– Такое чувство, что я тебя силой сюда приволок, – выпаливает, пылая гневом. – Ну, признайся, что ты хотела меня не меньше, чем я тебя! Хотя бы себе не лги.

– До встречи с тобой я никогда не вела себя подобным образом. Это ты на меня так влияешь, – бью его кулаком в плечо, а парень делает шаг назад, не доставая рук из карманов. – Своими дурацкими шуточками выводишь меня постоянно из себя, провоцируешь на колкости, а теперь еще и это, – заканчиваю свою пламенную речь, таращась на Пашку.

Дыхание учащается, грудь ходит ходуном, на голове скорее всего тихий ужас, но мне плевать. На всё плевать с высокой колокольни, потому что если он сейчас не уйдет, я не выдержу.

Сама не знаю, чего, но точно сорвусь. Или наговорю ему гадостей, или отдамся второй раз.

– Значит, это я во всем виноват? – из глаз Балабанова летят искры, и сам он на взводе. Того и гляди, сорвется раньше меня. – Как у тебя все просто – обвиняешь всех направо и налево. За собой последить не пробовала?

– Уйди, Балабанов, – повторяю довольно спокойно. – По-хорошему прошу. Оставь меня одну, – произношу последнюю фразу по слогам.

– Дарина, – он делает шаг мне навстречу.

– Да оставь ты меня в покое! – голос срывается на крик. – Отвали от меня! Ты получил, что хотел, показал мне, какое я ничтожество, добился своего. А теперь просто исчезни.

– Идиотка, – зло швыряет Паша, разворачивается и направляется к двери.

Проворачивает замок, открывает дверь и замирает. Резко бьет кулаком в стену, чертыхаясь, а я подпрыгиваю на месте от неожиданной реакции. С такими нервами лечиться надо, а не в стены кулаками лупить.

Парень повторно чертыхается и, не поворачиваясь в мою сторону, резко выходит в коридор, оставляя дверь открытой. А я медленно сползаю на пол, облокачиваясь спиной о стол, поджимая колени к груди. Господи, за что мне это все?

Не помню, сколько сижу в такой позе, занимаясь самосожжением и самобичеванием, но мысленно решаю, что пора с этим завязывать. У моей лучшей подруги свадьба – никто ж не виноват, что я потеряла голову и совершила глупость.

Встаю, выхожу из кабинета, предварительно выключив свет, закрываю дверь и направляюсь в туалет. Надо привести себя в порядок, а то гости еще напридумывают всяких небылиц, и тогда мне точно крышка. Сейчас главное прийти в норму, а обо всех последствиях будем думать в понедельник.

В туалете пусто, и я запираю дверь на замок. Подхожу к зеркалу и усмехаюсь – глаза горят, кожа покраснелась, а волосы в форменном беспорядке торчат во все стороны. Прекрасно, лучше и не придумаешь!

Кое-как привожу непослушные пряди в порядок, выравниваю дыхание и выхожу из уборной.

На танцполе гости двигаются под ритмичную мелодию, и я вдоль стены пробираюсь к своему месту, в глубине души надеясь, что никто не заметил моего длительного отсутствия.

Катюха следит за моими движениями, когда я сажусь на свое место и наливаю себе полный бокал шампанского. Выпиваю его залпом и сразу же наливаю второй.

– У тебя все в порядке? – интересуется подруга, наклонившись к моему уху.

– В полном, – улыбаюсь ей, поднимая вверх бокал и снова выпивая его до дна.

Алкоголь делает свое дело, помогая расслабиться. А главное – не смотреть вправо, где сидит Балабанов рядом с Артемом. Но глаза непроизвольно косятся в ту сторону.

Пашка так же, как и я, залпом выпивает рюмку коньяка, после чего наливает себе следующую. Усмехается на какую-то реплику Артема, и, чокаясь с ним, поворачивает голову в мою сторону. На несколько секунд наши взгляды встречаются, после чего Балабанов снова отворачивается и опрокидывает в себя очередную порцию алкоголя.

Козел! Му*ак! Урод!

Как я могла на него повестись, скажите на милость? Теперь буду жалеть об этом минимум неделю, копаясь в себе и обвиняя во всех смертных грехах Балабанова.

Ну, всплыла, наговорила гадостей, но мог бы и улыбнуться, поддержав меня. Хотя, чего я ожидаю от этого напыщенного индюка, как любит выражаться Катюха. С него станется еще и на очередной встрече начать подкалывать меня в присутствии адвоката, посылая пошлые шутки и намеки в мой адрес по поводу крышесносного секса на столе.

Угроздило же меня заключить с ним перемирие. Лучше бы язвил и подкалывал, честное слово, чем отпуская весь вечер комплименты, еще и в кабинет затащил, чтоб ему пусто было!

Играет медленная композиция, и Катя встает со своего места, направляясь к Пашке. Берет его за руку и тянет танцевать. А я провожаю их взглядом, наблюдая, как Балабанов выводит Катерину на середину танцпола, поворачивается к ней лицом, приобнимая, и... улыбается, черт бы его побрал! Наливаю очередной бокал шампанского.

– Хорош бухать, – слышу над ухом голос Артема и поднимаю голову. – Ты сейчас в нем дырку протрешь своим взглядом.

– Больно надо, – бурчу в ответ, делая глоток искрящегося напитка.

– Пойдем-ка лучше и мы потанцуем, – забирает у меня бокал, берет за руку и ведет на танцпол.

Слава Богу, подальше от парочки, на которую я периодически кидаю косые взгляды.

– Как тебе свадьба? – интересуюсь у Артема, чтобы отвлечься от ненужных мыслей.

– Нравится, – улыбается парень в ответ. – Особенно ваш с Пашкой стриптиз покорило мое бедное сердце. Надо будет Катюху попросить повторить этот номер на бис в нашей спальне.

– Очень смешно, – кривлюсь в ответ.

– С тобой всё в порядке? – Артем удивленно смотрит на меня, но я отвожу взгляд.

– В полном, – отвечаю безразлично, глядя через плечо Вишневого на танцующих рядом.

– Я вижу, – фыркает Артем. Чувствую, как мужские пальцы дотрагиваются до плеча, отводя волосы в сторону. – И полный порядок тоже вижу, – произносит Вишневский, а я стону в ответ.

Ну, вот зачем он это сделал? Я, как могла, прикрыла волосами место, куда совсем недавно Пашка целовал, а ещё кусал, впиваясь зубами в кожу в порыве страсти. А Вишневский снова напоминает мне о моем грехопадении. Почему, Господи, это все случилось именно со мной?

– Я думаю, Артем, – поднимаю взгляд на парня, но встречаю только улыбку, – что это не твое дело.

– Так уж не мое? – поднимает обе брови вверх. – Эх, Дарина, Дарина. Что же с вами делать, двумя упрямыми баранами. Один прибежал и коньяк тоннами хлещет, вторая шампанское глушит, не просыхая. Поговорить не пробовали?

– Пробовали, – делаю паузу. – Не получается.

– Нормально поговорить, спокойно и без эмоций, а не так, как вы это обычно делаете.

– Послушай, Вишневский, – стараюсь держать себя в руках, чтобы не сорваться на парне, потому что он ни в чем не виноват. – Знаешь, что я больше всего не люблю? – Артем молчит, ожидая моих дальнейших слов. – Больше всего я ненавижу, когда лезут мне в душу и начинают давать советы. Давай я с Балабановым сама разберусь? Без свидетелей. И так стыдно, еще и ты душу наизнанку пытаешься вывернуть.

– Думаю, ты ошибаешься насчет Пашки, – выдает Вишневский, а я молча смотрю ему в глаза. – Говорю же, вам надо просто спокойно поговорить. Без эмоций и обвинений в адрес друг друга. По себе знаю, что это нелегко, но действует.

Оставляю его советы без ответа. До конца танца мы больше не произносим ни звука, после чего так же молча возвращаемся на свои места.

Допиваю шампанское, и лезу в сумочку, чтобы посмотреть на телефоне, кто звонил.

Четырнадцать непринятых вызовов от одного абонента, и в груди начинает щемить. Пальцы дрожат, когда я набираю номер.

– Да, – произносит отец после третьего гудка.

– Что случилось? – спрашиваю и замираю на месте, даже не поняв, что встала с места и теперь прислоняюсь к холодной поверхности стены.

– Мама в больнице, – тяжело вздыхает папа на другом конце провода. – Два часа назад случился приступ, и скорая ее забрала в областную. Я сейчас здесь.

Не помню, как выбегаю на улицу, прижимая трубку крепко к уху, как будто от этого зависела моя дальнейшая жизнь. А слезы уже градом катились по щекам.

Глава 12

POV Павел

Умеет же она довести меня до белого каления! Еще ни одна наша встреча не заканчивалась нормально – без крика, обвинений и язвительных оскорблений в адрес друг друга. И вот нафига, спрашивается, я пошел на это дурацкое перемирие? Лучше бы просто молча сидели и косо смотрели друг на друга, чем теперь чувствовать себя виноватым. А все эта несносная прокурорша – это ж надо было так все перекрутить с ног на голову, что теперь настроение на нуле, хотя до её неожиданной и неприятной реакции был готов горы золотые свернуть. Не ожидал, что она все так перевернет, а я в ответ не смогу ничего возразить.

Крышу у меня начало сносить еще с самого утра, когда увидел эту красотку в одном шелковом коротеньком халатике. Специально спровоцировал, чтобы она руками схватилась за дверь, видя, как верх расходится в стороны. От одного вида полуголой груди Дарины у меня начало становиться тесно в штанах. И надо было срочно принять холодный душ, а то бы до вечера точно не дожил, выгнав жениха с невестой из лимузина и накинувшись на девушку прямо на кожаном сиденье.

И она тоже хороша – весь день вела себя идеально, даже придаться не к чему. Строила мне глазки, подкалывала и провоцировала на дальнейшие действия. Вот и снесло у меня башню, особенно после того, как она своей сексуальной попкой начала тереться о мое тело. А когда я увидел закинутую на меня ногу в чулках, мой внутренний зверь сорвался с цепи.

И ведь пошла со мной добровольно, отдавалась своим собственным желаниям, стонала и кричала, а потом меня же обвинила во всех смертных грехах. Черт, что же теперь делать?

Зная Дарину, будет есть себя поедом, копаться в своих мыслях и отводить в сторону взгляд при виде меня, не признаваясь даже себе самой – мы оба этого хотели. В равной степени. И нет ничего позорного или стыдного в том, что произошло между нами.

Я, кстати, готов повторить наши маленькие шалости снова. И не раз, так она меня завела! Сколько в ней страсти и нерастроченной энергии. Еще бы язычок укоротить, или найти ему достойное применение – цены бы не было Громовой Дарине!

Наблюдаю боковым зрением, как девушка достает из сумки телефон. Смотрит на экран, а руки начинают дрожать. Отходит в сторону, видимо, набирая номер, после чего прикладывает трубку к уху. Уже не отрываясь смотрю на нее.

Прижимается головой к стене, дышит тяжело, а через пару секунд срывается с места и бежит к выходу. Что-то тут не чисто.

Понимаю, что я – последний человек на планете, кому она откроет сейчас душу, но не могу просто проигнорировать ее поведение.

– Что ты с Дариной сделал? – слышу голос Темыча и перевожу на него взгляд.

– Ничего такого, за что она сможет меня посадить, – усмехаюсь. – Не знаешь, кто ей мог позвонить, что она так резко сорвалась?

– У нее мать болеет, мне Катя говорила, – предполагает негромко мой друг. – С сердцем проблемы. Может, что с ней случилось нехорошее?

– Черт, – хмурюсь, а в голове уже созревает решение. – Темыч, без нас тут закончите?

– Решил помочь даме сердца? – улыбается Вишневатский.

– А ты на моем месте по-другому поступил бы?

– Езжай, – хлопает меня по плечу. – Тем более, скоро уже будем расходиться. Нужна помощь – звони в любое время.

– Мальчик большой, сам разберусь.

Мы обнимаемся, после чего встаю и целую Катюшку в щеку, желая удачной брачной ночи. Девушка округляет глаза, спрашивая, что случилось, но Артем перебивает ее, обнимает,

а мне кивает головой в сторону выхода. Беру сумочку свидетельницы, которую она оставила висеть на стуле, и направляюсь к лестнице.

Спускаюсь со второго этажа и подхожу к гардеробной. Как и предполагал, Дарина выбежала в одном платье на мороз, потому что ее дубленка висит рядом с моей. Что за девушка, а еще меня пытается в безответственности обвинить!

Надеваю свою куртку, перекидывая её одежду через руку, беру дамскую сумку и выхожу на морозный воздух. Дожился – уже вещи за барышней ношу. Так скоро и ее саму на руках буду носить, не приведи Господь.

Дарина стоит в стороне, прислонившись спиной к стене. Смотрит на потухший экран телефона, а по щекам катятся слезы.

– Замерзнешь, – говорю довольно громко, подходя к девушке поближе, но она никак не реагирует на мой голос. – Дарина, – трясую ее за плечо. – Очнись.

Она медленно поднимает голову, глядя на меня каким-то мутным взглядом. Не нравится мне ее состояние, как бы истерика не началась сейчас.

Ненавижу, когда бабы плачут, а уж тем более рыдают так, что в ушах закладывает. Кто-то пытается их успокаивать, а у меня возникает только одно желание – треснуть чем-то тяжелым по голове, чтобы заткнулась. Но так как мама с папой научили меня женщин не бить, то стараюсь проходить мимо всякого рода истеричек и ненормальных.

– Что? – произносит негромко, продолжая смотреть на меня.

– Дубленку надень, а то холодно на улице, – протягиваю ее верхнюю одежду, но девушка не шевелится. – Да что за черт!

Беру ее за талию, отрывая от стены, накидываю на плечи пальто, заставляя продеть руки в рукава. Как ни странно, но она не сопротивляется, машинально делая то, что я от нее требую.

– Что случилось? – беру ее за плечи, но девушка опускает голову. Слава Богу, хоть плакать перестала. Может, на нее успокаивающе действует мое присутствие рядом? Сомневаюсь, конечно, но чем черт не шутит.

Двумя пальцами беру Дарину за подбородок, поднимая голову вверх и заставляя посмотреть мне в глаза.

– Можешь мне такси вызвать? – слава Богу, хоть говорит спокойно.

– Могу сам отвезти.

Достаю из кармана ключ, нажимая на брелок сигнализации. Попросил одного из охранников Вишневого повозить гостей на моей машине и подогнать к ресторану. Конечно же, я пил, и за руль садиться не собирался, а планировал забрать автомобиль завтра, благо живу всего в трех кварталах от ресторана. Но сейчас не тот случай, чтобы соблюдать законы. Да и выпил я не так уж и много, поэтому смогу доехать до нужного места без проблем.

Беру девушку под руку и подвожу к машине. Открываю переднюю пассажирскую дверь и помогаю ей сесть. Она даже не пытается сопротивляться, видимо, сил на борьбу со мной не осталось. Обхожу автомобиль спереди, после чего размещаюсь рядом. Вставляю ключ в замок зажигания, нажимаю кнопку “Старт” и заводжу мотор.

Пару минут он прогревается, а мы сидим в тишине. Девушка откидывается на спинку кресла и смотрит в окно.

– Не молчи, – первым прерываю затянувшуюся паузу. – Не могу на тебя смотреть в таком состоянии.

– Не смотри, – как-то уж слишком безразлично звучат слова из ее уст.

– Хоть скажи, куда ехать, – продолжаю дальше напирать, чтобы хоть немного растормозить Дарину.

– В областную больницу, – тяжело вздыхает девушка, не поворачиваясь ко мне лицом.

Трогаюсь плавно с места, разворачиваюсь и направляю автомобиль к выезду со стоянки.

– Что в больнице? – спрашиваю спустя пару минут, когда мы движемся по неживленному проспекту.

– У мамы сердечный приступ, – снова ее слова звучат невесело.

Хотя какое веселье, раз с близким человеком беда. Но я знаю, что Дарина сильная, поэтому надо ее немного привести в чувство, чтобы она собрала всю волю в кулак и не расклеилась окончательно. Уверен, моя очаровательная свидетельница справится со всеми свалившимися на нее проблемами. Хрен его знает, зачем мне это надо, но я до сих чувствую себя виноватым.

– Насколько серьезно? – продолжаю допрос, как заправский следователь.

– А ты в курсе, Балабанов, что садиться за руль в нетрезвом состоянии опасно для жизни? – девушка резко меняет тему, поворачиваясь ко мне лицом. Слава Богу, хоть не плачет, а ее язвительность я уж как-нибудь переживу.

– В курсе, – спокойно отвечаю, кивая утвердительно головой. – Уже лет шесть, как не употребляю алкоголь, если за рулем. Учел все ошибки молодости, так что с лекцией ты опоздала, – усмехаюсь, чтобы разрядить обстановку. – К тому же, сейчас не время на этом заикливаться, как считаешь?

– Согласна, – и снова в голосе безразличие, а голова девушки снова отворачивается к окну.

– Но я готов покаяться во всех грехах, – продолжаю в игривом тоне. – Назови место и время.

– Обойдусь, – бурчит девушка в ответ.

– Все будет хорошо, – говорю уже серьезно довольно банальную фразу, но именно она приходит в голову в качестве поддержки.

Нахожу руку Дарины и сжимаю холодные пальцы в своей теплой ладони. Девушка не сопротивляется, а мне почему-то не хочется выпускать ее руку.

До пункта назначения добираемся в полнейшей тишине. Не успеваю заглушить мотор, как Дарина сама открывает пассажирскую дверь и пулей вылетает из автомобиля. На всякий случай беру ее сумочку, которую сам же и положил на заднее сиденье; усмехаюсь, в очередной раз поражаясь, как же могут измениться обстоятельства в одно мгновение, и тоже покидаю любимый внедорожник.

Мы с Темычем тащимся от немецких автомобилей. Причем мой друг абсолютно от всех, а вот я своей детской мечте еще ни разу не изменил – неизменно сменяют друг друга только машины марки BMW. Ничего не могу с собой поделаться. Две страсти – тачки и женщины. Благо, зарабатываю нормально и могу себе позволить менять автомобили довольно часто. Что же касается женщин...

Тяжело вздыхаю и бреду ко входу в кардиологическое отделение. Следом за одной, слишком уж строптивой барышней, которая до сих пор, по ходу, на меня злится.

Охранник не пускает Дарину вовнутрь, объясняя, что часы приема закончились, а моя спутница в ответ орет на все отделение. Грозится посадить мужика, подкинуть ему наркоту и даже убить, если он сейчас же, цитирую дословно, “не отодвинет свой зад и не даст ей пройти”.

Охранник стоит на месте красный, как рак, девушка замолкает, дышит часто и выглядит потрясающе. Видит меня, резко подходит, выхватывает из моих рук сумку и лезет в неё, через пару секунд доставая оттуда удостоверение. Тычет корочкой в лицо мужику, после чего, пока тот стоит, опешивший от увиденного, резко проходит через турникет.

Усмехаюсь в очередной раз и следую за Дариной, благо никто не пытается меня остановить. Я бы просто дал денег охраннику и спокойно зашел бы, куда надо. Но ожидать подобной рассудительности от Дарины не стоит.

Поднимаюсь по лестнице на третий этаж, и вижу, как девушка, которая чуть ли не взлетела по ступенькам, обнимается с мужчиной.

Медленно подхожу к парочке, а спутник Громовой впивается в меня взглядом. Судя по возрасту – это ее отец. Впервые в жизни буду знакомиться с родителями девушки. Правда, пока только с одним, и при довольно неприятных обстоятельствах. Но правила приличия у нас пока еще не отменяли.

– Добрый вечер, – легонько киваю утвердительно головой, останавливаясь на месте в паре метров от парочки. Дарина отстраняется от мужчины, поворачиваясь лицом ко мне. – Меня зовут Павел, – игнорирую ее злобные взгляды. – Я – друг вашей дочери, – и протягиваю руку.

– Очень приятно, – мужчина смотрит прямо в глаза. – Не знал, что у Дарины есть такие друзья, – и пожимает мою руку в ответ. – Александр.

А у меня на языке вертится только один вопрос – какие «такие»? Интересно, что мужчина имел в виду?

– Балабанов, ты что здесь забыл? – вот теперь я узнаю строгую прокуроршу и по манере общения, и по перекошенной физиономии при виде меня. – Спасибо тебе за то, что подвез, но на этом твоя миссия закончена.

– Дарина, – перебивает ее отец. – Нельзя же так!

– Ты еще здесь? – девушка смотрит на меня, игнорируя замечание родителя.

Впервые в жизни затрудняюсь с ответом. В любой другой ситуации на подобный выпад я бы уже вставил парочку ехидных реплик, но именно сейчас понимаю, что не место и не время. Ей сейчас и так не сладко, чтобы еще и я начал умничать.

Но наш диалог прерывает врач, который выходит из отделения в коридор. Дарина первой несетя ему навстречу, следом идет отец, а я завершаю процессию.

Слушаю краем уха, воспринимая только обрывки фраз и слова – “сердце”, “повторный приступ”, “операция”. Последнее меня самого вгоняет в ступор, лишь наблюдаю, как Дарина закрывает лицо рукой, а плечи девушки начинают содрогаться.

Отец обнимает ее за плечи, а мне только и остается, что молча наблюдать. Хотел бы я сейчас поменяться с ним местами. Но не уверен, что это будет разумным поступком в данной ситуации.

Дарина берет себя в руки, отходит в сторону и достает из сумки телефон. Слышу только ее фразы, и на скулах начинают играть желваки.

– Валера, привет, – небольшая пауза. – Извини, что так поздно, но ты говорил звонить в любое время, – и снова девушка замолкает ненадолго. – Сильный приступ, нужна операция, – пауза. – Пока состояние не улучшится, транспортировать ее нельзя, – и снова тишина. – Хорошо, сброшу смской номер врача. Спасибо тебе большое. Я твоя должница навеки.

Больше ничего не произносит, но продолжает слушать своего собеседника на том конце провода. Правда, после разговора с неизвестным мне Валерой девушка немного оживает. По крайней мере, передо мной снова стоит решительная Дарина, не приемлющая никаких компромиссов.

А я наоборот почему-то закипаю от услышанного, в голове уже придумывая фразы, которые ей ответил мужчина по телефону. И мне это ой, как не нравится.

– Андрей Николаевич, – обращается девушка к врачу. – Номер дайте, вам из столицы перезвонят.

– Да, конечно, – мужчина в белом халате начинает диктовать цифры, а Дарина их записывать в телефон.

– Может, помощь какая нужна? – интересуюсь, пока все в сборе.

– От тебя мне вообще ничего не надо, – шипит в ответ Громова, отрываясь от экрана телефона и поднимая на меня взгляд.

– Успокойся и прекрати истерить, – вот не хотел же, а все равно нахамил.

Наблюдаю, как она впивается в меня взглядом, а ее глаза наливаются кровью. Разъяренная кошка, не меньше, но такая сексуальная. Господи, что за бред лезет мне в голову?

– Убирайся отсюда, – произносит девушка довольно громко. – Ты уже сделал все, что мог.

– Дарина, вы бы, и вправду, успокоились, – врач дотрагивается до ее плеча. – Уверен, молодой человек предложил помощь из самых добрых побуждений. И вам лучше отдохнуть.

– Извините, доктор, – Дарина отворачивается ко мне спиной. – Больше не буду. Но до утра останусь здесь. К ней можно?

– Пока нет, но завтра, я надеюсь, мы переведем ее в обычную палату, – и мужчина исчезает за дверями в приемный покой.

Девушка снова обнимает отца, целуя его в щеку, после чего бредет к стульям, еле передвигая ноги. Садится, откидывается назад, прислоняясь головой к стене, и закрывает глаза.

– Дочка, ты в таком виде замерзнешь здесь, – отец девушки садится с ней рядом. – Ехала бы ты лучше домой, переделалась.

– Сил нет, – стонет Дарина, открывая глаза. – И желания куда-то ехать тоже.

– Я могу привезти, – снова влезая в разговор. Ну, вот кто, скажите на милость, меня тянет за язык? Какого хрена я играю в благородного рыцаря? – Или свозить, – исправляюсь, наблюдая, как девушка пристально смотрит на меня своим коронным взглядом.

– Балабанов! – снова шипит, а у меня сносит крышу.

Тоже, нашла себе мальчика на побегушках!

Резко срываюсь с места, подхожу к девушке и хватаю ее за руку, заставляя встать. Она вроде и сопротивляется, но не слишком сильно, позволяя утащить ее на лестницу.

– Извините, мы на минутку, – бросаю на ходу ее отцу и двигаюсь вперед.

Она плетется следом, но как только мы достигаем лестничного пролета, вырывает свою руку из моего захвата.

– Ты что себе позволяешь? – повышает голос.

– Не ори, ты не дома, – отвечаю со злостью в голосе. – И угомонись наконец-то. Никто не собирается больше посягать на твою честь. Я просто хочу помочь. Знаешь, иногда я делаю добрые поступки – перевожу бабушек через дорогу, покупаю сиротам мороженое, а нищим подаю на хлеб насущный.

– С трудом верится, – на ее лице появляется кривая ухмылка.

– А мне плевать, веришь ты или нет, – закипаю не на шутку, так она меня достала. Но не могу бросить Дарину именно сейчас, словно какой-то дух противоречия в меня вселяется, не позволяя оставить девушку один на один с проблемами. – Ключи от квартиры давай, вещи твои привезу. Только скажи, где и что лежит, чтобы не рылся полночи в твоих шкафах. А потом, – не даю ей вставить ни одного слова, – я уеду, раз моя рожа тебя так раздражает. Хочется самой решать свои проблемы – да ради Бога, мне-то что.

Она тяжело вздыхает, но лезет в сумочку, откуда извлекает связку ключей. Объясняет, каким именно открывается верхний замок, а так же диктует перечень того, что следует привезти – джинсы, футболку, толстовку и ботинки, объясняя, где и что лежит.

Молча разворачиваюсь и направляюсь вниз по лестнице.

Дорога туда и обратно занимает не более часа. Звоню Дарине на мобильный, чтобы она спустилась вниз – благо, номер ее записал еще в самом начале нашего так называемого знакомства.

Она появляется через пять минут, забирает вещи, несколько секунд сканирует меня взглядом и произносит негромко:

– Спасибо.

Не успеваю ничего ответить, как она резко срывается с места и уходит.

Бурчу себе под нос ругательства – как же она меня бесит своим непредсказуемым поведением! Что за женщина, никакой логики в поступках и словах! Я за целый день ни разу не дал повода во мне усомниться, и реально хотел помочь и ей, и ее больной маме. Но Дарина не дала ни единого шанса, перечеркнув всё, что промелькнуло между нами.

А я, как ни странно, до сих пор чувствую себя виноватым, вспоминая ее горящие глаза и алеющие щеки.

Наваждение какое-то, честное слово. Но не могу забыть ее стоны и тихое “Паша” в ответ на мои ласки.

Всё, стоп! Надо срочно домой – прохладный душ, здоровый сон, и утро, которое вечера мудренее, если не врет поговорка.

И срочно стереть из памяти образ Дарины Громовой!

Глава 13

POV Дарина

Остатки выходных провожу в больнице. Маму переводят в обычную палату, и уже в понедельник рано утром врач мне заявляет, что можно ее транспортировать в столицу. Остается одна большая проблема: как именно это сделать? Наша медицина оставляет желать лучшего, а санавиация нынче дорого стоит. Но доктор заверяет, что сделает всё возможное, чтобы помочь.

Утром в понедельник плетусь на работу. При виде меня даже мой строгий шеф поднимает обе брови в немом изумлении и произносит строгим тоном:

– Громова, твою мать, ты какого черта тут делаешь? В гроб и то краше кладут. Нахрена на работу приперлась?

– Так, это, – запинаясь, судорожно пытаюсь придумать, что бы ответить максимально вежливо и культурно. – Вы же сами сказали, что дела мне новые передадите.

– Ты когда-нибудь у меня допросишься, – буравит меня грозным взглядом и уже спокойнее спрашивает: – Как мама?

– Лучше, – отвечаю довольно безразлично, так как сил на длительные дискуссии не осталось. – В Москву надо отправлять, я уже договорилась с клиникой. Теперь вот думаю, как это реализовать.

– На сегодня и завтра отгулы даю, иди, разбирайся со своими проблемами, – тарбанит пальцами по столу. – А с транспортировкой, – смотрит пристально на меня. – Решу вопрос, не переживай.

– Спасибо большое, – на глазах появляются слезы.

– Иди уже отсюда, видеть тебя не могу, – кривится прокурор и машет левой рукой в сторону двери. А правая уже тянется к трубке стационарного телефона.

Все-таки мир не без добрых людей, и уже во второй половине дня находится и топливо, и возможность перелета в столицу с моими родителями на борту.

Рано утром во вторник провожаю их, стараясь сдержать слезы, чтобы не расстроить маму, а сама возвращаюсь домой. Прав мой начальник – мне надо отдохнуть и хорошенько выспаться.

Вроде и очень устала, но заснуть не получается. В голову начинают лезть глупые и ненужные мысли о моей никчемной жизни, проблемах и отсутствии перспектив на будущее. А главное – образ Балабанова всплывает в памяти так четко, что я фыркаю в ответ.

Надо же, не бросил, отвез в больницу и терпел мои истерики. Согласна, перегнула палку, хотя с трудом помню, что именно ему наговорила. Единственное четкое воспоминание – это его последний взгляд, полный жалости и сочувствия, когда он отдавал мне вещи. Не выдержала, кратко поблагодарила и сбежала.

Ненавижу, когда меня жалеют! Лучше бы наорал или треснул чем-нибудь тяжелым, чтобы привести меня в чувство. Смог же вывести в коридор и доходчиво объяснить, что к чему. Зачем же потом жалеть начал?

Хоть Пашка и показал себя благородным рыцарем, готовым помочь в трудную минуту даме сердца, но я ему не верю. Я в принципе мужчинам не доверяю, а Балабанов тем более не вызывает доверия, хоть и нравится мне.

Первая любовь, разбитые мечты – всё это оставило след в моей душе, после чего я решила не влюбляться. Глупо, конечно, но пока еще не встретила мужчину, которому готова подарить свое сердце. Были ухагеры, и кратковременные романы тоже были. Но вот никто до недавнего времени не смог забраться не только в мои мысли, но и в душу.

Кроме этого негодяя Балабанова.

Да что со мной такое происходит? Почему именно он, а не кто-то другой? Ведь сколько вокруг порядочных мужчин, которые с уважением относятся к женщинам! А этот вечно меня подкалывает, язвит, хамит и выводит из себя.

Но нравится он мне, черт побери. А после случившегося на свадьбе, так еще сильнее. Зря я его обидела. Лучше бы сдержалась, а потом уже сама в себе разобралась.

Точно не захочет меня больше видеть. Но ничего, у нас с ним скоро очередное “свидание” в моем кабинете – попрошу адвоката выйти, а сама извинюсь. Потому что не права. Потому что нужно признавать свои ошибки. Потому что...

Третий пункт так и не приходит в голову. Точнее приходит, но я гоню его прочь. Не хватало еще страдать из-за Балабанова, больно надо.

На столь перспективной ноте я засыпаю, даже не подозревая, что день грядущий мне готовит.

Глава 14

* * *

– Привет, красавица! – слышу в трубке голос Валеры Сторожилова, после того как принимаю вызов. – Соскучилась?

– Безумно, – пытаюсь придать своему голосу игривости, как это делает мужчина. Надеюсь, он не заметит фальши. – Как дела?

– Лично у меня неплохо, – кривлюсь, потому что его дела меня сейчас интересуют мало. Благо, мужчина этого видеть не может. – У твоей мамы состояние стабилизировалось. Сама как?

– Да тоже пришла в норму, – отвечаю на выдохе, откидываясь на спинку кресла и бросив все свои дела. – Ждала с нетерпением твоего звонка.

– Жаль, что не по тому поводу, который бы меня устроил, но ведь ждала, – мужчина делает паузу, а я в очередной раз тяжело вздыхаю. Зануда, он и в Африке зануда. Хотя довольно симпатичный, не спорю. – У меня для тебя две новости.

– Хорошая и плохая? – перебиваю своего собеседника. А то он так еще полчаса будет ходить вокруг да около, намекая, что я ему нравлюсь до сих пор.

– С тобой не интересно, – усмехается в трубку, но после произносит довольно серьезным тоном. – Значит так, операция неизбежна, как мы и предполагали в тот раз. Лечение не помогло, поэтому необходимо ставить искусственный аортальный клапан. Операцию можно сделать в нашем кардиологическом центре, я договарюсь. Конечно, можешь отвезти маму за границу, право твое.

– Это, я так понимаю, хорошая новость.

Валера делает паузу, извиняясь. Слышу в трубку, как кричит кому-то, видимо, прикрыв динамик ладонью, а я в этот момент пытаюсь понять, что же в его понимании плохая новость.

– Еще раз извини, – снова обращается ко мне. – На чем я остановился?

– Сообщи, что операцию можно сделать у вас. И ты договоришься.

– Да, – снова делает паузу. – Теперь плохая новость. Стоить это будет дорого.

– Сколько? – замираю на месте, даже переставая дышать.

– Порядка двадцати тысяч долларов, – тихо заканчивает Валера, а я закрываю глаза.

Из груди непроизвольно вырывается стон. Это катастрофа! Даже представить себе не могу, где взять такие деньги!

– Ты подумай, – прерывает мужчину паузу и мои стенания. – Сообщи мне, как будешь готова. Или любое решение, какое примешь. Можно, конечно, и дальше подержать на препаратах, но никто не предскажет реакцию организма на очередной приступ.

– Я найду деньги, – выдаю довольно спокойно, поражаясь, как быстро взяла себя в руки. – И сразу же сообщу тебе.

– Ладно, я побежал. Еще созвонимся. И жду тебя в столице. Кто-то, помнится, обещал со мной по ночному городу покататься?

– Посмотрим, – ворчу в ответ, и первой нажимаю сброс.

Швыряю телефон в сторону, как будто он в чем-то виноват, складываю руки на столе и опускаю на них голову, в которой крутится только один вопрос – что делать?

С Валерой меня познакомил его младший брат Антон, который теперь является мужем моей лучшей подруги Анюты. Тоже мне, сводник выискался. И эта красотка хороша – хоть бы предупредила, что к ней будущий родственник в гости приехал, и они собираются пойти

в ресторан, чтобы познакомить меня со Сторожиловым-старшим. Или средним – фиг их там разберешь, этих Сторожиловых.

В первый раз ужинали вчетвером. Причем я не успевала забежать домой, чтобы переодеться, поэтому приперлась в ресторан сразу после совещания у руководства, в прокурорской форме, вызвав охи и вздохи, а также косые взгляды у посетителей заведения.

Валера сначала присматривался ко мне, в основном отмалчиваясь, а к концу немного разговорился. Высокий, симпатичный, чем-то, кстати, даже внешне похожий на Антона – при взгляде на столь шикарный экземпляр мужского пола женское сердце должно было биться чаще, но мое почему-то молчало.

Оно, конечно, билось, но не так, как пишут в любовных романах при виде мужчины своей мечты. Я не стала упрячиться и решила использовать второй шанс, так сказать, присмотреться к Валерию получше, когда он предложил встретиться нам с ним вдвоем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.